

III МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-
МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ФЕСТИВАЛЬ

ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ
СЕЗОН

АЛЬМАНАХ
2017



Симферополь
ООО «Издательство „Доля“»
2018

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус)
И 73

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
администрации города Саки*

Автор проекта: Валерий Басыров

Автор-составитель: Ольга Прилуцкая

Редакционная коллегия: Басыров В. М., Ивкин А. Н., Кобец Л. М.,
Османов Ш. Т., Прилуцкая О. В.

И 73 **«Интеллигентный сезон-2017».** Альманах. Симферополь:
ООО «Издательство “Доля”», 2018. — 152 с., илл. 56 с.

ISBN 978-5-6041432-1-6

УДК 82
ББК 84 (2Рос=Рус)

Сборник произведений лауреатов фестиваля — лучших из лучших его участников — в который раз стал подарком не только для писателей, но и для множества читателей. И это один из знаков того, что Крым открыт для всех добрых, талантливых людей, что хорошей, качественной литературе, музыке, живописи быть, что интеллигентность в наших рядах отнюдь не временное явление. Это прочно и надолго.

© ООО «Союз писателей
Республики Крым», 2018

© ООО «Издательство “Доля”», 2018

ISBN 978-5-6041432-1-6

«ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН» В НАЧАЛЕ СВОЕГО ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ



Сегодня вам предстоит открыть третий сборник произведений участников сакского ежегодного Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон». Вот уже четвертый год высокий сезон в Саках приобретает совершенно новое, оригинальное содержание. Из разных городов и стран приезжают к нам поэты, прозаики, барды, художники. Концентрация талантов под знойными лучами южного солнца, подобно образованию соли в рапе Сакского озера, приводит к кристаллизации идей давно вынашиваемых новых произведений. Этому способствуют ночные звездопады, шум прибоя и доброжелательное отношение организаторов фестиваля. Мы рады гостям.

С каждым годом ширится фестивальное сообщество. При этом уровень представленных произведений заметно повышается, шлифуется вкус публики к построению литературных фраз, качеству рифмованных строчек, стилю и сюжету. Можно с уверенностью сказать, что «Интеллигентный сезон» уже стал той самой «солью», сутью сакского лета, которая формирует позитивный имидж нашего курорта, дополняя традиционный фирменный микс из лечебных грязей, моря, солнца. Отрадно, что эти чудесные кристаллы, витающие в атмосфере города, несут в себе не материальный, но мощный духовный, интеллектуальный потенциал, так необходимый для рекреационных возможностей человека во время летнего отдыха. Отпуск в окружении поэзии и музыки — что может быть прекраснее!

Большим достижением нашего фестиваля, гордостью его организаторов стали теперь уже три сборника лучших литературных произведений, изданные по итогам проводимых конкурсов. Многообразие тем, стилей, творческих идей авторов делает эту довольно объемную книгу по-настоящему интересной для читателей с самыми взыскательными и разными вкусами. Каждое из представленных здесь имён может

подарить внезапное открытие тому, кто по-настоящему влюблён в магию слова. Мы надеемся, что третий сборник «Литературного сезона» займёт своё достойное место на книжных полках рядом с двумя предыдущими и станет одной из ваших любимых книг.

Своим успехом наш фестиваль обязан слаженной работе команды организаторов. Хочется выразить самую искреннюю благодарность главе администрации города Саки Ивкину Андрею Николаевичу, отделу культуры, молодёжи и спорта городской администрации, муниципальному бюджетному учреждению «Центр культуры, досуга, молодёжи и спорта г. Саки»

Как не вспомнить слова главы администрации города Саки Андрея Ивкина, который в 2015 году сказал на первом организационном заседании комитета по подготовке фестиваля: «Во все времена литература была неотъемлемой частью развития общества, гарантией мира и стабильности. Она позволяла каждому человеку увидеть новый мир, оценить хорошее и плохое, подумать о дорогах, которые мы выбираем или которые выбирают нас». И совместные усилия, направленные на возрождение духовности, принесли нам успех — за прошедшие годы участниками фестиваля стали писатели из Австрии, Англии, Беларуси, Болгарии, Венгрии, Испании, Канады, Польши, России, Украины, Чехии, подтвердив тем самым международный статус фестиваля. Они увидели Крым гостеприимным, добрым, открывающим и поддерживающим таланты.

Отдельно хочу отметить и поблагодарить нашего партнёра по организации и проведению «Интеллектуального сезона» — ООО «Союз писателей Республики Крым» (председатель правления Валерий Басыров), координатора фестиваля, писателя Ольгу Прилуцкую, профессионально и объективно работавшее жюри конкурса, коллективы учреждений культуры и санаторно-курортного комплекса, всех тех, кто заботился о комфорте гостей мероприятия, ставшего большим праздником.

Надеюсь, что наш фестиваль «Интеллектуальный сезон» находится ещё в самом начале своего творческого пути, а впереди его ждёт долгая и плодотворная жизнь. Считаю его главным событием лета не только в жизни нашего города, Республики Крым, но и в безбрежном мире литературы, искусства и культуры.

ШЕРИФ ОСМАНОВ,

заместитель главы администрации г. Саки

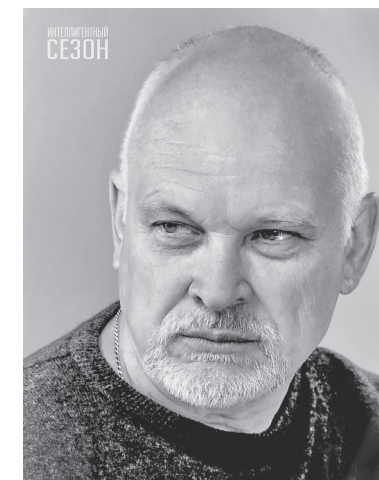
«ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН» — ПРАЗДНИК ДЛЯ ВСЕХ

«Интеллектуальный сезон-2017» — ещё одна веха пути Союза писателей Республики Крым. Я надеюсь, что жизнь этого международного литературно-музыкального фестиваля будет долгой и плодотворной. Эту надежду подарила писателям в 2015 году администрация города Саки. Кстати, на всём полуострове пока только эта администрация решилась поддержать писателей и морально, и финансово.

Сегодня хочется назвать имена тех, кто стоял у истоков этого литературного форума, вспомнить, как зародился фестиваль «Интеллектуальный сезон».

У энергичного и креативного заместителя главы администрации г. Саки Шерифа Османова возникла идея проведения литературного праздника на их гостеприимной земле. Цель — поддержка местной пишущей братии и, конечно же, развитие замечательного сакского курорта, о котором должны знать в каждом уголке мира. Для начала он вышел на сакское ЛИТО, которым руководил тогда прекрасный поэт, член Союза писателей Республики Крым Равиль Валеев. Идея понравилась. С ней обратились к главе города Андрею Ивкину и председателю СПРК Валерию Басырову. И началась работа, которая длится уже на протяжении четырёх лет... Трудно переоценить тот вклад, который вносит в развитие фестиваля администрация города Саки в лице Андрея Николаевича Ивкина, Шерифа Тимуровича Османова и начальника отдела культуры, молодёжи и спорта Людмилы Михайловны Кобец с её командой.

А что писатели-крымчане? И они, конечно, никогда не были пассивными гостями. Так, в 2017 году, на фестивале, который представляет этот литературный альманах, Равиль Валеев, Ленора Сеит-Османова, Елена Лебеденко, Владимир Миронов, Ярослав Гончаров, Николай Балицкий, Вера Кириченко, Ольга Прилуцкая, Лариса Афанасьева, Владимир Ларионов, Ирина Коляка, Валентина Магер, Елена Данилова, Елена Семагина, Юрий Поляков и многие другие своей работой не только в конкурсной программе, но и на площадках библиотек,



санаториев, пансионатов помогли сделать наш общий праздник интересным и насыщенным.

Отдельная благодарность хозяйке Гостевого дома «Ле-Ди» Ленуре Халиловой, уже два года принимающей участников фестиваля. На базе «Ле-Ди», где обычно во время работы «Интеллигентного сезона» живёт основная часть писателей, музыкантов и художников, всегда уютно, вкусно и весело. Там же находится основная фестивальная площадка, позволяющая на высоком уровне проводить большинство мероприятий.

Благодарю членов жюри — Лолу Звонарёву, Наталью Баженову, Ирину Силецкую, Владимира Шемшученко, Надежду Рунову — за их кропотливую, профессиональную, бескомпромиссную работу.

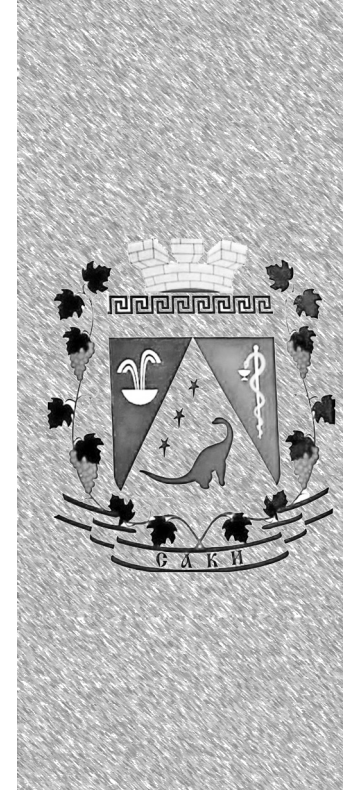
Нельзя не вспомнить и не поблагодарить ещё одного человека, принимающего самое деятельное участие в развитии фестиваля «Интеллигентный сезон». Это член белорусского союза журналистов Наталья Сляднева — учредитель и главный редактор журналов «Метаморфозы», «Мир Животных», «Эколог и Я». Не раз она привозила с собой не только эти журналы, подарки и призы из Беларуси, но и своих авторов, которые занимали достойное место в международной когорте участников фестиваля.

Вообще, у Союза писателей Республики Крым много друзей. Их произведения украшают фестиваль «Интеллигентный сезон», они сами служат камертоном каждого поэтического слова, звучащего на нашем литературно-музыкальном празднике. И мы благодарны им за это, ради этого, наверное, и собираемся ежегодно в тёплом, гостеприимном городе Саки. А сборник произведений лауреатов фестиваля — лучших из лучших его участников — в который раз стал подарком не только для писателей, но и для множества читателей.

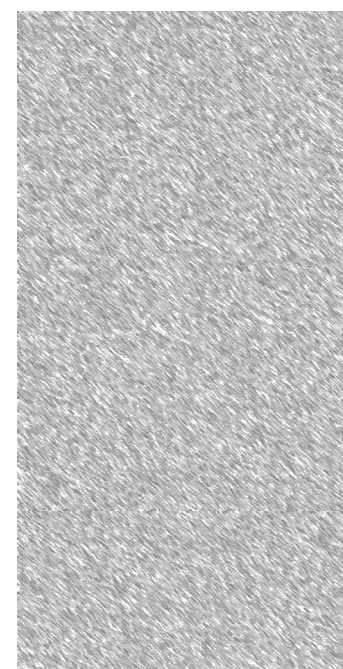
И это тоже один из знаков того, что Крым открыт для всех добрых, талантливых людей, что хорошей, качественной литературе, музыке, живописи быть, что интеллигентность в наших рядах отнюдь не временное явление. Это прочно и надолго. И потому, представляя альманах «Интеллигентный сезон» 2017 года, мы с нетерпением ждём открытия нового фестивального форума в 2018 году. Он обещает быть насыщенным и интересным!

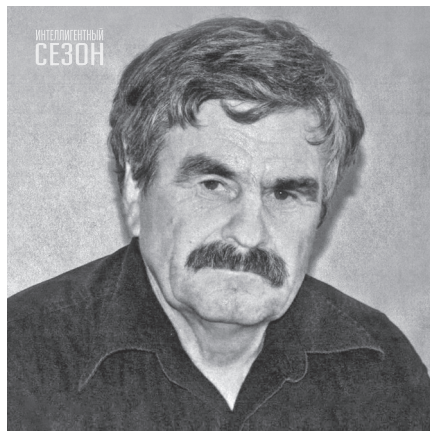
ВАЛЕРИЙ БАСЫРОВ,

председатель правления Союза писателей Республики Крым



ПОЭЗИЯ



**РАВИЛЬ ВАЛЕЕВ**

(г. Алушта,
Республика Крым, Россия)

Поэт, член Союза писателей Республики Крым, председатель алуштинского ЛИТО, многократный лауреат поэтических фестивалей и конкурсов различного уровня, обладатель Гран-при Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017».

УМИРАЛА СТАРУШКА

(сложное рондо)

Умирала старушка в ленинградской квартире,
Голод высушил тело, седина цвета стали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире —
Смерть играет ноктюрны на безумном клавише.
А так хочется света, чуть побыть в пасторали,
Ну хотя бы наесться, танцевать в светлом зале.
Замирая в объятьях, всё считать «три-четыре»...
Умирала старушка в ленинградской квартире.

В ветхом старом комоде под защитой вуали
За Гражданскую орден и другие медали,
Фотография сына в генеральском мундире.
Далеко сын запрятан лагерями Сибири,
Голод высушил тело, седина цвета стали.

За окном на портрете улыбается Сталин:
«Мы врагов победили, власть советская шире».
Но победные речи бьют из памяти гирей —
Там, в большом кабинете, мать и сына пытали,
А с неё «Незнакомку» в прошлом веке писали.

Вспоминается Питер, муж, убитый в трактире,
Из подруг — Зинаида, всё отдавшая лире.
Жизнь тихонько уходит, вдаль стремясь по спирали,
А недавно на внука похоронку прислали.
Всё в военном пожаре, все забыли о мире...
Умирала старушка в ленинградской квартире.

ВСЕВЫШНИЙ, ДАЙ ЧУТЬ-ЧУТЬ ДОБРА

(сложное рондо)

Всевышний, дай чуть-чуть добра,
Чтоб мог простить своих врагов,
Достичь блаженства берегов —
Мне успокоиться пора.
Под шевелюрой серебра
Инстинктов меньше, чем мозгов,
Но уступить ты не готов
Тепла от первенства костра...
Всевышний, дай чуть-чуть добра.

По жизни не богат улов —
Остатки выбитых зубов,
От дам, ушедших, веера.
Убрать бы едкости пера,
Чтоб мог простить своих врагов.

Дождей прошедших четвергов
 Не донесли ко мне ветра,
 Не помогли и буера,
 Застрав в суетности снегов,
 Достичь блаженства берегов.

Сюрпризами судьба щедра —
 Родители пришли вчера,
 Ворвавшись в вереницу снов:
 «Уйди из банды крикунов».
 Мне успокоиться пора,
 Всевышний, дай чуть-чуть добра.

ГДЕ МОЙ ОБРАЗ, НИКЕМ НЕ ТРЕВОЖЕННЫЙ

Где мой образ, никем не тревоженный,
 Попадающий в цель без погрешности?
 Под густыми кустами словесности,
 Словно зверь колдуном замороженный
 Затаился, а я, заторможенный,
 Пропадаю в глухой безызвестности.

Отыскать бы его теплосканером,
 Эту тварь обложить бы капканами.
 Моё сердце, покрытое ранами,
 Бьётся ветром терзаемым банером —
 Время мчится безудержным таймером,
 А не узнаю я многими странами.

По нужде испражняться сонетами,
 Быть в фарватере моды течения,
 Строгих мэтров ловить предпочтения,

Восхищаться стихами с «приветами»
 И не ржать над начальства советами,
 Чтоб тебе предавали значение.

Праздник жизни с крутыми попойками —
 Почитаются Бахус эстетами,
 Восхищаются дамы отпетыми,
 И сюжеты рождаются койками,
 Уносясь вдаль цыганскими тройками...
 Не иссякнет Россия поэтами.

ПОГОСТЫ ЗАРОСЛИ ТРАВОЙ

Погосты заросли травой —
 Забыты предки,
 И мужики бредут гурьбой
 Гулять к соседке.

У той нагулянный малец —
 Слюнявый даун.
 Хрустит закуской огурец:
 «За Русь-Державу!»

Вновь прогуляли сенокос,
 Грядёт уборка.
 Парнишка, что едва попрос,
 Блюёт в ведёрко.

Ведь если кто-то бросит пить,
 То избу спалят.
 Кругом разруха, грязь и гниль...
 Гуляй, славяне!

ИГРАЕТ РОНДО БЕСПРОСВЕТНЫЙ ДОЖДЬ

(сложное рондо)

Играет рондо беспросветный дождь,
И пузырятся, разрастаясь, лужи.
Какой печальный наш прощальный ужин —
Как будто в гроб вколачивают гвоздь
Тому, что, так мечтаясь, не сбылось.
Как хрупкий иней предстоящей стужи,
Колье из мной подаренных жемчужин
Змеёй твоя сжимает крепко горсть...
Играет рондо беспросветный дождь.

Должны спокойными остаться души —
Привычной жизни ритма не нарушим.
Запретного отведали мы гроздь.
Смывает ливень для супругов ложь,
И пузырятся, разрастаясь, лужи.

Любое слово будет неуклюжим.
К чему раскаянье и на кого-то злость?
Судьба слепа, Её стучится трость
Путём, что будет временем завьюжен.
Какой печальный наш прощальный ужин!

Любовь внезапная прошла насквозь,
На сердце не убрать теперь борозд,
Хотя остались прежними снаружи.
Мы панихиду отпуску отслужим,
Как будто в гроб вколачивают гвоздь...
Играет рондо беспросветный дождь.

Я СОБИРАЮ ОЖЕРЕЛЬЕ СЛОВ

(сложное рондо)

Я собираю ожерелье слов,
Рассыпанных весной по мягким травам.
Любви по жилам сладкая отравы —
Ну, наконец, нашёл принцессу снов.
Сюжет до безобразия не нов:
Судьба скрутила с яростью удава,
Но руку протянула мне чернява,
И вопреки сказаньям вещунов
Я собираю ожерелье слов.

До дрожи по истрёпанным суставам
Зовёт в горах заря небес расплавом
Вдыхать волшебный дым ночных костров,
Тонуть в дурмане луговых цветов,
Рассыпанных весной по мягким травам.

С прищуром улыбнулась жизнь лукаво,
Преподнесла прекрасный из даров:
Истоком из замшелых валунов,
Печаль сжигая, как вулкана лава,
Любви по жилам сладкая отравы.

Любви случайной я не рыболов,
Мне нужен спутник, верный до основ,
И пусть её ладонь груба, шершава,
Всевышнему пусть будет вечной слава:
Ну, наконец, нашёл принцессу снов...
Я собираю ожерелье слов.

СТИХАМИ ЛИСТЬЯ ПЛАЧУТ НА ВЕТРУ

(сложное рондо)

Стихами листья плачут на ветру,
Кустарник по могиле ветви стелет.
Навек поэт остался в Коктебеле,
Встречая первым солнце поутру.
Плита подобна тёплому костру,
Что согревает путника доселе.
Стоящему у каменной постели
И в холод, и в июльскую жару
Стихами листья плачут на ветру.

Войны гражданской страшные качели —
Террор людей, как жерновами, мелет.
Спасал людей у смерти на пиру.
Талантом совершённому добру
Кустарник по могиле ветви стелет.

С душой ребёнка в грузно-тучном теле,
Что обожает шалость и игру,
Отдавший дом собратьям по перу,
Творивший на заоблачном пределе,
Навек поэт остался в Коктебеле.

Срывает время фальшь и мишуру,
Не гасит у Волошина искру.
На память о бесстрашном менестреле
Пускай звучит над Киммерией шелест,
Встречая первым солнце поутру.
Стихами листья плачут на ветру...

ПОЕДЕМ, ЗИНА, В КАРАНТИН

(сложное рондо)

Поедем, Зина, в Карантин¹.
В ландо поедem, словно графы,
Увидим стены древней Кафы,
Коснёмся времени седин.
Цветаевой Марины сплин
Висит над тропкой звуком арфы,
Кивают шеями жирафы —
На море мачты бригадин.
Поедем, Зина, в Карантин.

Над Феодосией октавы
Читает ветер, хочет славы,
Поэта меряя аршин.
Любимая, на зов витрин
В ландо поедem, словно графы.

Мы получили помощь Марфы²
В годину горестных кручин —
С тобою стал я не один.
Друг друга крепко мы обнявши,
Увидим стены древней Кафы.

К закату солнца апельсин
Кровавит моря желатин.
Пока читаем жизни главы,
Да, помоги нам, Боже правый,
Коснёмся времени седин.
Поедем, Зина, в Карантин.

¹ Карантин — район города Феодосии с остатками генуэзской крепости.

² Святая Марфа — в православии покровительница семьи.



**ВЛАДИМИР
МИРОНОВ-КРЫМСКИЙ**
(г. Ялта, Республика Крым,
Россия)

Художник-график (акварелист), поэт, основоположник арьергардизма, член Союза писателей Республики Крым, Российского союза профессиональных литераторов, автор трёх собственных книг, участник трёх антологий и семнадцати поэтических альманахов России, Украины, Беларуси, лауреат и член жюри ряда поэтических фестивалей, лауреат Пушкинской премии, литературно-общественной премии «Золотая осень» им. С. А. Есенина, литературной премии им. М. Матусовского, лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Поэзия».

ГРЯЗЬ

Я вернусь к тебе, Русь бездорожная,
встретит осень сапожною сыростью...
Лес, низина, увязну я дрожками —
остаётся взывать к Божьей милости.

А дорога, как в язвах, — в ухабинах,
раскисает, корёжится, крутится,
изувечена вся, испохаблена
деревенской осенней распутицей.

Лошадёнка дождями исхлёстана,
жидконогая, да худосочная,
уж не сдюжить ей грязь подколёсную,
(не суди, захолустная вотчина)!

Поскользнётся, да в жижу разъезжую
поползёт, будет чавкать копытами...
Ни назад, ни вперёд — «ну, хоть режь её»,
Две версты для неё станут пытками.

Две версты ей покажутся вечностью,
Жёлто-сизую и безликою...
Торопить будет день скоротечностью
И кровить предзакатными бликами.

От бессилья слезина покатится —
Лошадиный предел безысходности...
Тонет жизнь, как в грязи, в неурядицах:
«Как тут век прослужить? — хоть бы год снести!

.....

Выпрягал и тащил бедолажную
(Дал к упрямству Господь силу воли мне),
И оставив повозку с поклажею,
Утопая в грязюке по голени,

чудом вышли!.. Гигантской горошиной
солнце пало на слякоть осеннюю...
Только плача, на упряжи брошенной,
Колокольчик взывал о спасении...

ПСКОВ

Ветхозаветная Божия тишь,
Псков, куполами церквей, будто шлемами,
в небо вращаешь и пристально бдишь,
Русь охраняя от пришлового племени

войск иноземных... Встаёт над водой
крепость — грудь витязя — не одолеть её.
Двадцать веков — Псков ещё молодой,
в пору бы справить совершеннолетие.

Барс на гербе, свыше Божеский перст,
ты, страж Руси — больше спрашивать не с кого...
Северо-западный щит её, крест
с образом иконописного Невского!

Жалко, что тленна письмен береста,
люди позабыл твою дату рождения...
Город — ровесник Иисуса Христа,
Видно божественно происхождение!

ДЕРЕВЕНСКАЯ МУЗА

С. Есенину и поэтам деревни посвящается

Где-то в мареве лет распахнулась,
заприметилась в памятном дне
васильками пропахшая юность
в деревенской глухой западне.

Я в плену эпохального мира,
ночи мне романтичны в стогах,
где звучит «сеновальная» лира
у веснушчатой Музы в руках.

Может, греческих Муз и не нужно? —
коль от русских теряешь покой...
Сколько их на селе, незамужних? —
и одна распрекрасней другой!

Девке дай сарафан да кокошник —
душу разбередит под гармонь!
Ой, найдётся ли Муза роскошней? —
если пышут в ней страсть да огонь,

зной любви, ругань, святость причастья,
счастья реки, желаний пески...

Боже, как это мне в одночасье
бедажно взвалить на мозги?!

Ведь от Бога у русской Эрато
суть и стать есть, и кровь с молоком —
вдохновение нашему брату
с ностальгией к серпу с молотком,

да к просторам звенящего луга,
к шепелявому свисту косы
в геометрии полукруга
с километрами полосы!

Взять бы Музу, подальше забраться
в ту беспутную рожь у реки,
где любовь расстилает убранством
голубые до слёз васильки,

где строка глубока и капризна,
как стремнина в слиянии рек
деревенского имажинизма,
что уносит в Серебряный век!

Верьте в Муз! И божественным светом
снизойдут с васильковым дождём
в души к вам, деревенским поэтам,
к тем, кто в русской глубинке рождён.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Это слово мне послано свыше,
Ибо ходит за мною, преследуя,
От рожденья в затылок мне дышит,
Но готов с ним идти на край света я!

В полном смысле — мой ангел-хранитель
С незабвенной душой — до молчания...

Дюжей силушки (если хотите)
И терпения до нескончания!

В этом слове найдёте былинность,
Звон цепей, ломоть хлеба насущного,
Удаль, волю, и меч, и повинность,
И любовь на всю жизнь, что опущена!

Это слово — мне крест и нагрузка,
Грубо, дерзко и где-то ругательно...
Но горжусь прилагательным РУССКИЙ,
Что оно и ко мне прилагательно!

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Мне ссыльные ветры накаркают зиму,
На крыльях вороньих снега принесут,
В садах омертвевшие яблоки снимут...
О, глушь, где не властны ни царь и ни суд.

Где путник версты без ружья не проедет,
Где волки лютуют, конины вкусив,
И лихость — верхом (лучше ехать в карете) —
В дороге умеи выживать на Руси!

Деревня. Уж в прошлом Одесские пляжи,
Свет, женщины, карты, интриги, раздор...
Здесь только метель светской ведьмою пляшет,
Избрав мне тюрьмой родовое гнездо.

На вотчину сослан, живу под арестом,
Лишь душу мою бережит Купидон,
Вручая туза, да не червы, а кресты,
Чтоб мнился «казённым» родительский дом.

Вперёд мне наука, и ныне, и присно —
Вскрывают на почтах депеши к друзьям!
Жизнь учит писать осторожные письма,
Нас — вплоть до острожных цепей или ям.

Но местный мужик здесь не ропщет, не клянчит:
Разбой на дорогах — страшнее суда...
Так пусть же трясутся почтовые клячи,
Раз в месяц по службе заехав сюда,
Где пахнут дремучестью первые снега,
Край полон истории, сказок и снов...
Ещё не закончен «Евгений Онегин»,
Уж лёг под перо мне «Борис Годунов».

Здесь Музы невольно мой ум осеняют,
Полезной мне станет моя кабала...
Нет, Псковскую глушь ни на что не сменяю,
Какой бы дремучей она ни была!

* * *

Я ещё не прильнул к мёду славы,
Не искусан жужжащей молвою,
Не венчались ни тёрны, ни лавры
С бесшабашной моей головою.

Погрузился в стихи я, как в омут,
Как в бездонную чашу похмелья...
Мои мысли то стынут, то стонут,
То оркестром звучат, то капелью,

То бесщётными стрелами тают
В синеве, отзвенев тетивою,
Пусть туманная цель, но святая,
Без которой нет смысла в покое,

От которой морозец по коже...
Я творю, нелюдимый, небритый,
Как Булгаковский мастер, быть может,
Слепо веря в свою Маргариту.

Пусть реальность мне вылезет боком,
Раж пройдёт, сединою покроюсь:
— Где ж покой? — между чёртом и Богом? —
Только вряд ли я там успокоюсь.

Что ж, корите — привык к укоризне,
Дифирамбы скучны мне, поверьте.
Славно мне и без славы при жизни,
Да и прока в ней нет после смерти.

МЫС «АЮ-ДАГ»

(Медведь-гора)

Медведь, чьи скалы до небес достали,
Всё спорит с камнепадною судьбой.
Состарился, подножия устали
Сносить набеги, что чинит прибой.

Из года в год — утрата за утратой,
Теряет плоть от пагубных секунд.
За стойкость в жизни — вечная расплата —
Морщины лоб неистово секут,

Из трещин бризы выдувают землю,
А море гротами калечит грудь...
Ревёт Медведь от боли: — Не приемлю,
Всех вас аморфных, в ком гнилая суть!

Я ненавижу снег за то, что тая
Предательски, ручьями на спине
Смывает почву. Голая, пустая
Уж каменная плешь блестит на мне.

А люди — словно рана ножевая
Кремнёвой, но чувствительной души...
Она всё стерпит, словно неживая,
Всю боль разрухи, сколько не круши.

Опять какой-то камень канул в Лету —
Попал бедняга на язык волны.
Пять тысяч лет висел, а нынче нету —
Исчез с анахронизмом старины.

Ворчит косматый и, с природой споря,
Пожить намерил тысячу веков,
А заодно намерен выпить море —
Гласят нелепые сказанья стариков.

— Вздремни, Медведь, Вулкана сын по крови,
Пусть в жилах пульс бьёт ключевой рекой!
Весна пуховым облаком укроет,
Чтоб снился глыбе каменный покой.

3 АВГУСТА 1921 ГОДА

(В одну ночь Россия утратит
двух великих поэтов Серебряного века)

Отречёмся от старого мира,
Отряхнём его прах с наших ног...

Марсельеза

Марсельезу руинам поёт Петроград —
звездопадная прервана ночь...
Встанет солнце рубином в пять тысяч карат,
«красный ад» на Руси превозмочь!

Век двадцатый безжалостно рубит с плеча
он безбожен, он к власти ревнив...
Революции меч жаждет рук палача,
во всех тяжких царя обвинив...

Русь пытаются то «белым», то «красным» огнём —
«польский мир» и «кронштадтский мятеж»,
и сплетался терново-стальной окаём
подле веры и шатких надежд!

Две ярчайших Звезды в эту ночь упадут:
Гумилёв и, в мгновение, Блок!
Знать, готовы два места им в райском саду,
но пока что в сомнениях Бог...

И висит пустота, и уже ни строки
не оставит ни тот, ни другой:
эта ночь Гумилёва возьмёт «за грудки»,
бросит в «белый» тюремный покой!

Блок не встанет с предсмертной постели своей —
бред удушлив, безумством цветает,
в нём сгорать будет Фениксом несколько дней,
и в агонии душу отдаст...

В Петрограде стрельба, голод, страх и раздор,
смуту конная жалует плеть...
Что Георгия крест? — есть в «Крестах» коридор,
там, где «контру» не станут жалеть!

Двадцать дней в Гумилёве сидел Ахилес...
Бросив следственную кутерьму,
подрасстрельных машиною вывезут в лес,
в безымянно-могильную тьму...

P. S.

*В Мариинке — Шаляпин и вновь болеро
«Дон-Кихот» — мирных душ оберег,
где в стране: три войны, НЭП и план ГОЭЛРО,
и цветущий Серебряный век!*

ЛИСТ

(не пишется)

Сыро на душе, безлико, муторно,
зябкий вечер беспредельно мглист,
и в холодной белизне компьютерной
третий день бездельничает лист.

Он режимно спит, и с ним «совею» я —
пауза рождает немоту,
то он вздрогнет от прикосновения,
вновь забрежит (ждать ему невмоготу)...

К мониторной пустоте да чаю бы,
здесь полезно подсластить мозги —
стимул дать башке, где изначально был
ворох поэтической лузги.

Строки от святого и до пошлого,
рифмочки, поросшие былём,
память — склад штампованного прошлого,
пахнет нафталиновым бельём!

Не хочу зависеть я от случая,
мне ли ставить скучное на кон! —
словарями ненавистно мучаю,
плотно сбитый в кучу лексикон.

Я пока не кинул якоря ещё,
в море лени стих не уморю —
видно, лист с экрана укоряюще
действует на психику мою!

Он, в томленье, бёлью непочатою
виснет в неминуемом огне...
Даже если бред я напечатаю,
станет легче — и ему, и мне!



ЕЛЕНА ПОПОВА-ЛЮК
(Россия – США)

Актриса, поэт, прозаик, пишущий для детей и взрослых. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Поэзия» (стихи для детей).

ОВСЯНКА

Мама сварила кашу,
Да какую — с клубничным вареньем!
«Вот, накормлю сыночка
Овсяночкой в воскресенье!»
Мальчик сказал: «Не буду!
Она горячая, я подул...»
Мама мыла посуду,
Мальчик ногами бил стул.
Тут в дело ввязался папа —
Он грозно сказал: «Надо есть!»
Мальчик ответил: «Не надо!»,
Готовясь со стула слезть.
На кухне возникла бабушка
И сказала: «Конечно, не надо!
Лучше играть на компьютере
И в злого морского пирата.
А каша, это что — ерунда!

Растут от неё, умнеют.
Варенье кладут иногда —
С ним она даже вкуснее».
Быстро кашу схватила. А внук
Молча смотрел с изумленьем.
«Ну-ка, проверим, что у нас тут?
Каша с клубничным вареньем!
Кто главный овсянщик, а ну, угадай...
Да! Бабушка ваша!»
Мальчик, насупясь, ответил: «Отдай!
Это моя каша!»

СНЕЗИНКА

А мне жвачку подарил Дениска,
У нас в саду, жвачка — это приз.
Он подошёл на утреннике близко
И на ухо сказал мне: «Я — Денис».
А я сказала просто: «Я — снежинка»,
И он меня жвачкой угостил.
А у меня вдруг потекла слезинка,
А он увидел и сказал: «Прости».
А я стояла в юбочке из лент,
Стесняясь и головку наклоня...
Не знала я тогда, что тот момент —
Один из лучших в жизни у меня.



**НИНА ЛЕРНЕР**

(г. Евпатория,
Республика Крым, Россия)

Студентка ГБОУПО г. Севастополя «Севастопольский социально-педагогический колледж имени П. К. Менькова», воспитанница Литературной студии им. писателя Б. Балтера МБОУ «Гимназия им. И. Сельвинского». Лауреат и дипломант Международных литературных фестивалей «Интеллигентный сезон», «Пристань Менестрелей», «Ялос», VIII Всекрымского поэтического конкурса «На осенней волне», IV Республиканского семинара молодых авторов Крыма, лауреат городской Ассамблеи одарённых детей.

* * *

Приласкай меня, да в последний раз,
Станет марево звёздно-палево.
Налетит буран, заметёт тотчас
Невзаправдою календаревой.
От тебя вослед глупым ветрам бед
Унесёт меня, горящую.
И земля кипит, и в ушах стучит,
И в глазах молчит, что пропащая.

* * *

Вот курю, гляжу в окошко, не идёт ли милый.
Сыплется луна в лукошко переспелой сливой.
Во дворе мурлычут кошки. Не видать ни зги.
По дорожке понарошку тихие шаги.

* * *

Вдох.
Выдох.
В ленивых изгибах
Улиц
Идём, целуясь.
Ветер и солнечный зной
С тобой.

* * *

На пороге обернёшься. Фонари
Профиль высветят, трепещущий от ветра.
Шорох листьев, недосказанность любви
В каждом вывихе безумных километров.
Ты идёшь, и под тобой земля — река —
Ёжится и расстилается корнями,
Липнет травами к подошве башмака,
Выгибается разохшимися пнями.
Ты идёшь, и за тобой дрожит закат,
И качаются зелёные каштаны.
Небо вспыхнет миллионами карат
И осыплется в горящие тюльпаны.
Ты идёшь, и за тобою пустота,
За твоей спиной закончились минуты.
Остаётся только линия моста,
Где перила проржавевшие погнуты.
Остаётся только шёпот облаков
И сиреневый небесный свиток,
Где с рассветом из рисованных оков
Вырывается блестящий жёлтый слиток.

* * *

Человек в широких брюках
 Поднимается на башню,
 В мутной синеве причала
 Видит чётко миражи.
 Человек в широких брюках
 Видит море, лес и пашню,
 Видит, как в золотых колосьях
 Тихо прячутся ужи.
 Человек в широких брюках
 Развевается по ветру,
 Ловит воздуха течение
 И взлетает с мокрых крыш.
 Человек в широких брюках
 Тушит в небе сигарету
 И расплавленное солнце
 Наклоняет, как камыш.
 Человек в широких брюках,
 Он, конечно, нас не знает,
 Он без зависти и боли
 Наблюдает сверху вниз.
 Человек в широких брюках
 Слишком часто улетает,
 Ведь никто не догадался
 Попросить его: «Вернись...»

ПИСЬМО ИЗ БУТЫЛКИ

Море,
 Я солью твоей пропитан!
 Глянь на мои смоляные пальцы!
 Солнечным светом,
 Табачным миртом
 Небо нарядит луну-паяца...

Море,
 Я песней твоей убитый.
 В горле песок, огрубели пятки.
 Пеплом омытый,
 Шорохом скрытым
 В дебрях осок скачу без оглядки.
 Море,
 Окутай смурным туманом,
 Выведи профиль каплею синей,
 Ляг на весло и крепись,
 Пока нам
 Лезет в глаза косоротый иней.

* * *

От упавшего пепла вразброс
 Всё острее, острее и гуще
 Порох звёзд, шорох звёзд, ворох звёзд
 В холодеющей мраморной куще.

Ты увидишь и скажешь: «Отнюдь!»
 Я увижу отнюдь. Так бывает...
 Вместе в утро, за чаем и в путь.
 Только листья, горя, облетают.

* * *

Завтра вставать очень рано —
 Галстуком тёплого крана
 Нежно вязать позвоночник,
 Хмыкать, хрустеть и заочно
 Прятаться в дымке обмана,
 Видеть щербатые лица;
 Завтра — идти утопиться.

И, как весёлый молочник,
Белое лить по бутылкам,
Бить по анисовым рюмкам,
Ставить везде многоточья...

Сколько всё это продлится?
Завтра стоять и молиться
Мылу да люстре в прихожей,
Пыльной обувке прохожих...
Выдернуть тело из дома;
Выдернуть провод из сердца
Завтра ещё не знакомо,
Но от него уж не деться...

Завтра вставать, торопиться —
Утро разлепит ресницы,
Анабиозное детство
В капле росы растворится.

* * *

Всё зачерствело в быту, всё истерлось и съелось,
Чаем запитая боль уже убрана в шкаф.
Может, когда-то мне тоже чего-то хотелось?
Может, боюсь я сказать, кто во всём виноват?

Я не умею вязать свою душу верёвкой.
Я не умею стоять на гнилых якорях.
Вечно в грозу выводить свою старую джонку,
Вечно скитаться мне в диких, холодных морях.

Красные руки — в них доброе жженье каната,
Чёрные вёсла, занозы и ветер в лицо...
Может быть, я не совсем, не во всём виновата?
Всё б тебе, Господи, в нас обличать подлецов.



ЗЕЙНЕБ ИБРАИМОВА
(г. Судак,
Республика Крым, Россия)

Родилась в 2000 году. Студентка 2 курса факультета истории, искусств и крымскотатарского языка и литературы КИПУ (изучает филологию крымскотатарского языка и литературы, английского языка и литературы). Победитель регионального конкурса «Татлы сес» в номинации поэзия (2010 г.), призёр регионального конкурса «Любовь к пророку (с.а.с.)» в номинации поэзия (2012 г.), победитель в конкурсе литературных творческих работ имени Юнуса Кандыма «Къырым — меним Ватаным» (2013 г.), призёр (2 место) всеукраинских ученических олимпиад по крымскотатарскому языку и литературе (2014 г.), победитель олимпиады для молодёжи по крымскотатарскому языку среди студентов 1 курса (2017 г.). Пишет на крымскотатарском языке. Стихи начала сочинять в 7 лет. Её произведения пронизаны любовью к Родине и родному языку. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2017). 2000 йылы догъды. КъМПУ университетнинъ 1-нджи курс студентти ола (тарих, санат, къырым татар тили ве эдебият факультети; къырымтатар тили ве эдебият, инглиз тили ве эдебият джерьяны) Биринджи ерлерни къазангъан конкурсларда иштиракъ этти. Шириет номинациясында «Татлы сес»

(2010) региональ конкурснынъ гъалиби. «Пейгъамбермизге (с.а.в.) севги» региональ ярышнынъ гъалиби (3 ер, 2012 с.). Юнус Къандымнынъ адына багъышлангъан «Къырым — меним Ватаным» эдебий иджадий ишлер конкурсунда иштирак этти (1 ер, 2013 с.). Къырымтатар тиль ве эдебият умюмукраин талабелер олимпиаданынъ гъалиби (2 ер, 2014 с.) 1-нджи курс студентлери арасында къырымтатар тили олимпиадасынынъ гъалиби ола (1 ер, 2017 с.).

ЭСКИ ЛЕСКЕР

Тапты дедем бизим эвде.
 Къалын агъач тюбюнде,
 Эски, демир, ады-Лескер,
 Онен дедем лаф этер.
 — Селям эски, демир лескер,
 Татар тюсю, топракъ аскер,
 Бизсиз къалдынъ оксюзленип,
 Тот олюмден кирленип.
 Быракътылар сени, ишкир лескер,
 Къалды оксюз бизим ерлер,
 Сенинъ ерине — «лопата»,
 Этраф толды алабота.
 Миллет сюрдюн олмаз эвель,
 Сенсиз олмаз ярыкъ куньлер.
 Сарыкъ сарып аякъларгъа,
 Бадам кетер, чайыр багъгъа.
 Къызылчыкътан сапы лескер,
 Таш топракъны, памукъ этер
 Тамырларны багъджы унер
 Балта киби, бирден кесер.

Бойле сёзлер дедемден,
 Мен динъледим юректен.
 Эски лескер энди бизде,
 Темизлеп къойдым төрге.

ТИЛИНЪНИ УНУТМА

Не ерлерге бармасанъ
 Кельмешек сезлер айтсанъ
 Тувгъан тилинъ унутсанъ...
 Екъ, унутма! Ич бир заман!
 Инан, тильни бильмесенъ,
 Маскъара олурсын сен.
 Сенден гъайры ким сакълар,
 Бизим назик тилимизни?
 Сенден гъайры ким акълар
 Акъ тюске тарихимизни?
 Шербет татлы, бал киби,
 Чекишкен Ана тилим.
 Къырылгъан сенинъ къальбинъ,
 Эбедий Ана тилим.
 Лякин чокъ сен яшайджакъсын,
 Халкънынъ темиз джанында
 Янъы ёллар ачаджакъсын
 Эр кес бильсин бу дюньяда!
 Мен къырымлым, къырым татар!
 Гъурурланып буны айтам.
 Башкъа тильде лаф этсем де,
 Даима санъа къайтам.

* * *

Ахтем тутты бугунъ саба,
 Бизим гольден къаплыбакъа!
 Эвге оны кетиргенде.
 Къомшу онъа расткеле.

— Селям Ахтем хатийсинъ?!
 Къаплыбакъа кетиресинъ?!
 Яшагъайды о гольде!
 Не унуткъан, о, сенде?

Ахтем къомшусына бакъа
 Ве бойле сѣзлер айта:
 — Мен айванны пек седем,
 Эксперимент онен этем.

Къаплыбакъа омюринде,
 300 йыл яшай гольде!
 Онъа пек мен ошланам!
 Сай бельки бу, бельки ялан,
 Эвде тутып бакъаджам!



ВАРВАРА ЛОПАТИНА
 (г. Евпатория,
 Республика Крым, Россия)

Студентка лесного колледжа им. Г. Ф. Морозова в Воронежской области, воспитанница литературной студии им. Б. Балтера (г. Евпатория), лауреат литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон» (2015, 2016, 2017). Пишет на русском и украинском языках.

УЯВИ!

ми зустрінемось через сто сторінок у наступнім житті,
 коли я навчусь пробачати, а ти не грішити...
 коли ми розберемося в власному бруді й смітті
 і знайдемо ту істину, за якою ми зможемо прожити.

ти тоді станеш іншим, бо ти то вже будеш не ти
 а того що кохала носитимеш десь у кишнях.
 станеш кимось серйозним, що завжди досягає мети,
 а не гаючим час, що минуле стискає у жменях.

уяви що зустрінемось, але я то вже буду не я...
 геть доросла, холодна, чужа і в своїх турботах
 і на кожного з нас чекатиме вдома сім'я
 у обох — буденність і втома на різних роботах.

у обох буде дім, будуть ті що чекають завжди
 ніби то ідеальні, і нібито будуть кохати
 все без сварок і криків: «до ранку сьогодні не жди!»
 вся ідилія фільмів, та чогось буде не вистачати.

уяви що зустрінемось, через сто сторінок життя
що ти зробиш, впізнаєш? чи підеш, як колись, за мною?
чи пройдеш не помітивши, навіть без каяття...
у тому... що колись ми обоє здалися без бою.

КОХАНКА

Ти впивалась коханням, маючи статус коханки...
Намагалась не думати, навіть скоріше прогнати.
І, ламаючи серце, випускала крізь пальці світанки,
Що зсипались додолу у високі сталеві ґрати...

Слухай серце... чи може розум підкорюй?
Прочитай ще раз Канта, шукай допомоги у книгах,
Досить часто чула: «Хочеш — бери і виборюй»
Не боролась, не рвалась на шмаття у криках,

Ти не грала істерик, не в'язала до себе вузлами...
Ти була просто поруч та зовсім його не тримала.
Віддавала себе і мовчала про власні розлами,
І нічого взамін від нього не вимагала.

Ти впивалась коханням, маючи статус коханки...
Це коли маєш все і водночас немаєш нічого
І, ламаючи серце, випускала крізь пальці світанки,
Бути з ним просто пекло, але рай не потрібен без нього.

ПРОГРАМА НА ВЕЧІР

Один і той же вечір, але жаль...
Моя программа: чорний чай із медом,
І в теплом кріслі огорнувшись пледом,
Дивитися в укриту снігом даль...
Чекати тих, хто точно не прийде,
В обличчях друзів все ж шукати очі
Того, хто, мабуть, навіть не захоче
Згадати чи провідати мене...

Твоя програма на сьогодні інша,
Вино, розваги, сміх хмільних людей.
В полоні нерозсудливих ідей,
Мені ж цей гамір заміняє тиша.
Ту тишу ти чекаєш увісні,
Мене ж вона сьогодні не покине,
Її годинник і Морфей не спине,
Вона підвласна буде лиш мені...

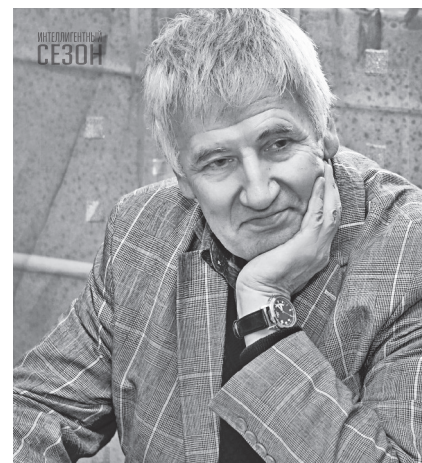
МОРЕ

Мам, у нього в очах ціле море...
Безмежно тепле, але бурхливе,
Він усміхається, коли говорить,
Мам, його море таке мінливе...
Тихе, спокійне, прозоро-блакитне —
Ніби розплескане акварелью.
Воно із тисячі буде помітне,
Те, що заходить акапелью.
Мам, у нього в очах такі хвилі...
Ті, що кидаються в шторм на скелі.
Щось чарівне є у їхній силі,
Те, за чим плачуть усі пустелі.
Знаєш... для щастя потрібно трошки
Поруч з коханням нікчемне горе,
Хтось у блакитному бачить волошки,
Я ж у очах його бачу море...





ПРОЗА



ВЛАДИМИР ПОПОВ-РАВИЧ
(г. Химки Московской
области, Россия)

Драматург, прозаик, выпускник Литературного института им. А. М. Горького (1981 год, семинар драматургии В. С. Розова, И. Л. Вишневской). Член Союза писателей СССР с 1989 г. (рекомендации В. С. Розова, Г. С. Мамлина, Л. А. Жуховицкого), член Союза театральных деятелей РФ с 1997 года, автор 10 изданных книг, более 10 поставленных пьес в театрах СССР, России и СНГ. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017».

ПАРАМАРИБО

Загадка случилась на родной улочке Спортивной. Неожиданно. Как говорится, ничто не предвещало. Семиклассник Виталька Грибов вышел из дома погожим, летним деньком часа в четыре пополудни и направился в сторону стадиона «Труд». Как обычно, он хотел сегодня весело поиграть со знакомыми пацанами в настольный теннис за высокой футбольной трибуной, спасающей от жестокого июльского солнца. Вскоре в конце коротенькой улицы, справа, замаячил угловой дом Спортивной, где жил одноклассник Никита Васькин. Ближе по ходу стоял аккуратный домик с высоким крыльцом загадочного семейства Доброскоковых. Уже второй год Виталька искренне восхищался сорокалетним «Эдиком», как они с Никитой в своих пацанских разговорах называли соседа Васькиных. Атлетически сложенный геолог Эдик обладал низким, рокошущим голосом и носил уникальные для Борщевска яркие, модные костюмы явно иностранного происхождения. Его красивая молодая жена Галина Максимовна работала в поликлинике женским врачом. Славка Доброскоков учился классом младше Никиты и Витальки, его младший брат Колька носил значок «октябрёнка», а сестрёнка Ольга, вообще, ходила в детский сад.

На спортивном горизонте Борщевска Эдуард Доброскоков быстро набрал звёздную популярность, он играл раньше в баскетбол и волейбол аж в командах мастеров, а ещё имел высокий статус судьи международной категории. До такого уровня в Борщевске никто не добирался. Славка прошлым летом стал чемпионом города по спринту в своём возрасте. Шустрого пионера премировали путёвкой во Всесоюзный лагерь «Артек», о чём написала районная газета, и громко прозвенело устное радио несовершеннолетнего Борщевска.

Углядеть сегодня Славкиного отца ни на улице, ни в огороде не удалось. Как не замедлял шаг Виталька, усадьба Доброскоковых закончилась, и начался огород Васькиных. Неожиданно из калитки выскочил Никита и энергично окликнул: «Виталька, зайди!».

Что-то в его голосе заставило одноклассника сразу нырнуть в калитку за Никитой. Сели на скамеечку, стоявшую у крыльца.

— Я тебе первому... тут такое дело, — непривычно волновался обычно невозмутимый кореш. — Короче, видишь сортир в огороде Доброскоковых?

— И что? — пожал плечами Виталька.

Никита оглянулся по сторонам и, понизив голос, сообщил на ухо:

— Три часа назад в нём повесился Эдик!

Виталька замер и онемел.

...Интерес к Эдику взлетел до небес у любознательного Витальки в прошлогоднем мае. В большом зале Рабочего клуба шёл заключительный концерт художественной самодеятельности трудовых коллективов и школ города. Виталька с пяти лет учился играть на пианино, слыл музыкальным вундеркиндом, и строгое жюри уже в третий раз допустило его на престижный общегородской смотр. Ожидая своей очереди за кулисами, юный пианист услышал громкое объявление конферансье: «Песню «Парамарибо» исполняет главный геолог комбината «Борщевскзолото» Эдуард Доброскоков!»! Забитый зрителями зал встретил артиста дружными аплодисментами. Выглядел самодеятельный певец феерически: на модельной мужской фигуре тюленька в тюленьку сидел концертный костюм светло-коричневого тона с жёлтыми, солнечными искорками; безукоризненно белая рубашка ослепительно контрастировала с невиданной для Борщевска большой кремовой бабочкой, надетой вместо привычного галстука. Романтическое название песни Виталька услышал тогда впервые, слова врезались в память с лёту:

*Большой советский теплоход
У берегов Гвианы
В Парамарибо он идёт,
Где пальмы и бананы...*

Броская внешность, глубокий, сильный низкий голос и уникальное мужское обаяние Эдуарда Доброскокова быстро покорили тысячный зал. После второго куплета десятки слушателей уже подпевали солисту припев:

*Па-ра-ма-рибо, Па-ра-ма-ри-бо,
Парамарибо — город утренней зари!
Пара-ма-ри-бо, Па-ра-ма-ри-бо!
Он о любви нам и о дружбе говорит.*

В финале припев подхватил весь зал. Очарованно подпевали и артисты за кулисами, включая воспарившего в чудесные эмпирии пионера Грибова.

С тех пор Виталька всегда радовался случайным встречам с Доброскоковым и уже за несколько шагов громко и вежливо здоровался. В ответ элегантный супермен неизменно приподнимал шляпу, слегка улыбался и раскатисто выдавал: «Пр-р-ивет, коллега!». А пару раз Эдуард Грантович даже останавливался и протягивал столбенеющему фанату царственную руку.

Никита продолжил рассказ:

— Батя мой как раз пообедал, вышел в сортир, слышит какие-то шорохи с той стороны. Кликнул: «Эдуард, ты, что ли?» Оттуда ни звука. Батя, почуяв неладное, сразу рванул через плетень, успел вытащить Эдика из петли. Тот сопротивлялся, но батя у меня — сам знаешь. Упаковал геолога наглухо. На «скорой» увезли в больницу.

«Ни фиги себе... такой мужик... и чего вдруг?» — с трудом приходил в себя Виталька, выйдя от Васькиных. В суицидной попытке Эдуарда Доброскокова ни одного мотива не просматривалось. Семья? Лучше не бывает. Работа?.. После шумного успеха «Парамарибо» в газете «Борщевский рабочий» появилась большая статья о талантливом исполнителе. Из неё Виталька узнал, что геологией Эдик грезил с детства, мечтал бродить с рюкзаком по глухим местам в поисках месторождений, что в полной мере и осуществилось...

Стоп! Вооружившись дедуктивным методом Шерлока Холмса, заядлый книголюб выстроил для себя версию «петли» Доброскокова. Да, Эдик

стал геологом. Осуществил мечту детства. Бродил с рюкзаком, пел под гитару песни у костров. На него с восторгом и обожанием смотрели соратники и соратницы. Шли годы... У костра его слушали пять человек. Для такого мощного артистического таланта — капля в море. Эдуард Грантович был создан для звёздных киноролей. Он мог бы сыграть Тарзана не хуже американца Вейсмюллера, или как его там звали... Да и на нашем «Мосфильме» смотрелся бы точно не хуже Олега Видова во «Всаднике без головы». Потому так грандиозно и прозвучало «Парамарибо», что в песню солист вложил всю свою огромную тоску о несбывшейся актёрской мечте. О звёздной судьбе. Никто и никогда уже не позовёт его в настоящее, большое искусство. Никто! Ни-ко-гда! Его удел — захолустный Борщевск, и никакого «Па-ра-ма-ри-бо»... Наверняка у блестящего Эдика случались минуты отчаяния, когда совсем не хотелось жить. И вот сегодня наступил роковой момент. Великий, но неизвестный миру артист взял бельевую верёвку и вышел в огород...

Придумав эту версию, Виталька чуть успокоился, но сомнения оставались. Правильную разгадку он узнал не скоро.

...Прошло полвека. Семьи Грибовых и Доброскоковых давно переехали в Иркутск. Виталька после школы окончил МГУ имени М. В. Ломоносова, распределился в ближайшее Подмосковье, но к родным и друзьям летал ежегодно.

Однажды бывшая соседка по улочке Спортивной обрадовала новостью:

— Встретила вчера на улице Славку Доброскокова.

Узнав телефон, московский гость сразу прошёлся по цифрам своего «мобильника».

— Здорово, Виталька! — не очень удивился Славка. — Мне Людка Сидорина говорила, что ты должен скоро появиться. — Ты где? Могу подъехать сейчас...

Через полчаса кореша по улице Спортивной познакомились как бы заново. Седые земляки оказались одного роста, обниматься и хлопать друг друга по плечам им оказалось очень удобно. Сразу комфортно они почувствовали себя и в плане душевной близости. Всё же общее детство, на общей улице — ценность непреходящая.

— Мама, слава Богу, жива-здорова, — сообщил Славка, — скоро отметим девяносто лет. Батя вот... в прошлом году похоронили, в Радищево лежит...

У нового памятника Эдуарду Доброскокову земляки встретились в ближайшее воскресенье. Виталька положил цветы. И задал вопрос, сидевший загадкой в «шерлокхолмовской» извилине все эти полвека.

— Славка, ты сам как-то объяснил себе эту... попытку отца?

— Ты о чём? — не сразу врубился артековец середины XX века.

Предельно деликатно Виталька напомнил другу детства неудавшийся суицид Эдуарда Грантовича в «домике неизвестного архитектора» на их борщевском огороде. Славка неожиданно громко и жизнерадостно рассмеялся. Затем заявил, что никакой попытки суицида не было. А была просто семейная шутка, театральная розыгрыш на гоголевском уровне!

— Да ты что?!

Московский гость потребовал подробности. Они шагали неторопливо к остановке, и Славка вспоминал...

Внутри красивой пары его родителей, оказывается, много лет бушевали поистине шекспировские страсти. Жить тихо-мирно в рутинной, сонной атмосфере их райцентра Мужчине и Женщине было невыносимо скучно. И время от времени темпераментные супруги устраивали друг другу театрализованные сюрпризы. Экстра-номером замышлялась и инсценировка самоубийства. Эдуард Грантович рассчитывал, что в петле его обнаружит любимая супруга. Ахнет, конечно, закричит вековым бабьим голосом по безвременной утрате любимого. Или как стойкий медработник начнёт молча вынимать из петли... При любом раскладе, когда он внезапно «оживёт», мощный выброс адреналина обеспечен. С яростной разборкой, переходящей в космические минуты страстного примирения... Не случилось. Могучий сосед, бывший пограничник Васькин нечаянно «испортил песню» талантливого артиста.

— Во, страсти-мордасти! — резюмировал Виталька, выслушав седого кореша. — Ну, от твоего brutального бати такой сюрприз ещё можно понять, но матушка?.. Всегда спокойной женщиной казалась...

— Ха, спокойной! — весело хмыкнул Славка. — Она в ответ ему, знаешь, что устроила?

— В ответ? Был и ответ?

— Ещё какой! Дорого бате обошёлся сортирный розыгрыш.

И Славка поведал кульминацию семейной трагикомедии, достойной пера Мольера и Шекспира вместе взятых.

Как-то Эдуард Грантович в полдень пришёл домой пообедать. Мужчину сильно огорчали колющие следы обиды и недовольства от его «петли» в поведении и настроении Галины. Каждый день он надеялся, что после вкусного обеда «по закону Архимеда» супруга согласится прилечь, отдохнуть...

С приятным настроением главный геолог бодро поднялся на крыльцо. Входная дверь распахнута — отлично! Эдуард быстро миновал

сени, в кухне аппетитно пахло борщом, кастрюля была горячей, на столе стояли красивые тарелки из праздничного сервиза — шикарно! Подходящая атмосфера для прощения-сближения.

— Галя, ау!.. Галочка, ты где?

Жена не отзывалась. Доброскоков быстро прошёлся по комнатам: нет, как нет.

Похоже, врача срочно вызвали за пять минут до его прихода. Невезуха! Придётся обедать одному. Доброскоков смачно наворачнул две тарелки потрясного борща. Быстро справился с двумя вкуснейшими, зажаристыми котлетами, похрустывая смачным груздочком собственной засолки. Жаль, нельзя позволить рюмку — у директора сегодня совещание.

— «Большой советский теплоход у берегов Гвианы», — замурлыкал Эдуард.

Напевая, глянул на себя в зеркало. Рубашка выглядит не очень, а к директору его не каждый день приглашают...

— Парамарибо... — жизнерадостный певец потянул дверцу шкафа, чтобы достать свежую рубашку.

Дверца почему-то не поддавалась. Доброскоков мощной рукой дёрнул посильнее, дверца распахнулась и... Вместо продолжения хитового припева из горла мужчины вырвался хриплый, нечленораздельный рык ужаса:

— А-а-а!..

Прямо на него из шкафа смотрела маска смерти — совершенно белое женское лицо с широко раскрытыми глазами. Мёртвое лицо неожиданно широко разинуло рот и отозвалось громким, верещащим эхом.

— А-а-а!..

Доброскоков рухнул на пол. Сутки пребывал без сознания. В отличие от его неудачного розыгрыша, женский сюрприз выстрелил на двести процентов. Три дня Доброскоков пластом лежал в стационаре, где от него буквально не отходила жена. На четвёртый день пришёл в себя, поднялся, и супруги вышли на первую больничную прогулку.

— Да-а, Эдик и Галя — весёлые были ребята! — констатировал Виталька. — Неужели и после привидения устраивали новые сюрпризы?

— Да нет, — уже негромко засмеялся Славка. — После шкафа шутить не перестали, но без фанатизма, с экстремальным адреналином расстались навсегда.

— «Парамарибо» Эдуард Грантович ещё пел?

— А то! До последних лет. На всех домашних вечеринках — коронный номер. И мама всегда его просила петь именно эту песню.



АЛЕКСАНДР ПОНОМАРЁВ
(г. Липецк, Россия)

Прозаик, драматург, член Союза писателей России, Межрегионального Союза писателей Украины, Конгресса литераторов Украины, член-корреспондент Крымской литературной Академии. Автор пяти изданных книг прозы и драматургии. Лауреат национальных и международных литературных конкурсов «Золотое перо Руси-2009», «Славянские традиции» (2011 г. и 2014 г.), «Большой финал-2011», «Русский стиль-2012», литературного конкурса на приз Президента Международной гильдии писателей «Её Величество книга», литературного конкурса МВД России «Доброе слово» (2011 г. и 2012 г.), «Славянская лира-2014». Дипломант международного литературного конкурса «Славянские традиции-2010», «За далью — даль» (2015 г.). Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Малая проза» (сатира и юмор).

ПЕТЕР И КЛАУС

— Петрович, тебя к директору, срочно, — на Петра Петровича искося смотрел его заместитель Травкин, — поторопись, он ждать не любит.

Пётр Петрович вздохнул и, скинув промасленную спецовку, глянув на себя в зеркало, вышел из цеха.

Начальником участка на заводе, где работал уже не один десяток лет, он был назначен всего пару месяцев назад. А вот в кабинете

директора, или, как говорили, на ковре у самого, ему бывать ещё не доводилось. Но всё в жизни когда-то случается впервые.

— Чем я его прогневал? — подумал Пётр Петрович и снова вздохнул.

Медленно поднявшись по широкой лестнице заводоуправления, он прошёл по длинному коридору и, внутренне успокоившись, открыл тяжёлую дубовую дверь.

Секретарша Любочка, бросив печатать на машинке, уставилась на него.

— Любовь Юрьевна, как у самого настроение?

— Да вроде ничего, иди смело, Петрович, — и она вновь принялась стучать на аппарате.

Пётр Петрович откашлялся, достал из кармана чистый носовой платок и вытер лицо. Постучав, он открыл ещё одну дубовую двустворчатую дверь и несмело вошёл.

Директор завода сидел в кресле в глубине кабинета, на другом конце длинного массивного стола с множеством стульев. Директор разговаривал по телефону и, увидев начальника участка, сделал рукой приглашающий жест.

— Ну, всё, Ложкарёв, мне некогда. Закончишь отгрузку — и колесом ко мне. Понял? Вот и молодец. Давай, — и директор положил трубку.

— Вызывали, Николай Антонович? — Пётр Петрович робко присел на краешек стула.

— Вызывал, вызывал, Сиднев. Как работа? Справляешься? — и, не дав ответить, продолжал: — Тут, понимаешь, дело, какое, Петрович, едут к нам гости заморские. Представители наших соинвесторов. Менеджеры среднего звена, но надо встретить и приветить на высшем уровне. Вот хотим тебе поручить это мероприятие. Как смотришь?

Всего чего угодно ожидал услышать от директора Сиднев, но только не этого.

— Да, задали вы мне задачу, Николай Антонович, — и он снова вытер пот со лба, достав носовой платок.

— Испугался? — директор засмеялся. — Вот они где у меня, эти бюргеры, — и он показал рукой, где они у него. — Выручай, брат Сиднев. Организуешь программу, и следуй нужным курсом. Самое главное — не дрейфь, а в остальном — поможем.

— Да если честно, товарищ директор, никогда с иностранцами не общался, даже не знаю, как и говорить с ними. Переводчик нужен.

— Не нужен, — махнул рукой директор, — они на нашем великом и могучем говорят довольно бегло. Бизнес у них в России, а у одного, по-моему, даже бабка русская. Хотят познакомиться с нравами российской глубинки. У тебя, говорят, родовое поместье имеется. Вот туда и свозишь, покажешь, так сказать, русский быт.

— Да какое поместье, Николай Антонович? Так. Домик в деревне.

— Домик? Это хорошо! А баньку топишь?

— Как же без баньки? Без баньки в такой глуши невозможно.

— Вот и чудно. А то, понимаешь, шеф их из Мюнхена мне звонил. Говорит, где только они не были. Ничем их, понимаешь, не удивить. Так вот, товарищ Сиднев, тебе партийное задание — удивить. Справишься — молодец! У меня скоро начальник копрового цеха на пенсию собирается. Чуешь, куда клоню? Послужи родному заводу, послужи. А мы тебя не забудем. Узелок на память завяжем. Согласен?

— Что ж делать? Постараюсь, товарищ директор.

— Вот и славно! Встретишь их завтра в аэропорту на моей машине. Познакомишься. Сначала денёк на организационные вопросы: встречи у них назначены с юристами, экономистами и прочая. А уж потом забирай их на два дня в полное своё распоряжение и удивляй. Кстати, зовут их Петер фон Бок и Клаус Зиберт. Короче, абсолютная немчура, а по-нашему, выходит — Петя и Николай, совсем как ты и я, — и директор вновь засмеялся.

На следующий день Пётр Петрович встречал гостей из Германии на заснеженном аэродроме. Директорский водитель держал в руках табличку с именами представителей заморских соинвесторов.

Рейс из Берлина прибыл вовремя, и через пятнадцать минут Сиднев заметил двух довольно молодых людей, которые озирались по сторонам и, увидев табличку, подошли поближе.

Держались они уверенно, одеты были с заграничным лоском, оба в дорожных чёрных кашемировых пальто, в белых рубашках с галстуком и без шапок. У одного из них на переносице блестели очки в дорогой золотой оправе.

— Здравствуйте! Пётр Петрович, — представился Сиднев.

— Петер фон Бок, — слегка поклонился первый.

— Клаус Зиберт, — кивнул второй.

— Прошу в машину, господа, вас ждут на заводе.

По дороге немцы были сосредоточены, по сторонам не глазели и, казалось, думали о чём-то своём.

В заводууправление, где их уже ждала многочисленная свита, Пётр Петрович их препроводил с некоторым даже облегчением. Такими они ему показались важными и неприступными.

На следующий день Сиднев снова встретил гостей и посадил в свой старенький УАЗик с тентованной крышей.

Петер и Клаус уже немного адаптировались в чужой стране, поэтому охотно улыбались, оглядывали местные достопримечательности и сразу же признались в любви к России, в которой, по их словам, им бывать уже приходилось.

— Называйте нас Петер и Клаус, — сказали они.

— Ну, а я Пётр или просто Петя.

— Петя? Карашо! — улыбнулся Клаус.

УАЗик, проехав по центральным улицам города, выскочил на трассу. За окнами хлопьями сыпал пушистый январский снег. Пётр Петрович потянул за верёвочку, к ней были привязаны дворники за стеклом и одной рукой управляя машиной, другой рукой начал дёргать за верёвочку, приводя в движение чистящий механизм.

Немцы встревоженно переглянулись.

— Петя, а этот верёвка, почему? — спросил Клаус.

— Чтоб дворники не вязли — ишь, снег какой валит, — объяснил Сиднев.

А когда через полчаса езды у машины порвался ремень и Пётр Петрович быстренько соорудил запасной из старых женских колготок, а они внимательно и недоумённо наблюдали за этим, выйдя из машины в снежную пургу, и после этого машина поехала, Петер с грустью посмотрел на своего немецкого коллегу: «Вот почему мы проиграли войну русским» — говорил его взгляд.

Автомобиль съехал с трассы и, увязая в глубоком снегу, двигался по занесённой просёлочной дороге.

Пётр Петрович заехал во двор и развернул машину. Немцы выбрались с заднего сиденья и оглядывались по сторонам. Несколько небольших деревянных домиков, казалось, прилипли друг к другу.

— Семёновна, принимай гостей, — громко крикнул Сиднев.

Маленькая старушка, выскочив из хаты, засуетилась вокруг приехавших. Толпой ввалились гости в горницу. Сиднев взял из угла веник и отряхнул обувь, Петер и Клаус последовали его примеру. После того, как гости огляделись и отдышались, Пётр Петрович взял инициативу в свои руки.

— Ну, а теперь в баньку, господа, — Пётр Петрович сделал приглашающий жест. — Митрич!

— Ась? Чаво, Петьк? Аль привёз гостей? — из воздуха возник старичок в подшитых кожей валенках и рваном треухе.

— Привёз, Митрич! Отделаешь их веничком? Только поделикатнее — немцы!

— Чего ж не отделать? Организую в лучшем виде. Отомщу им за Сталинград. Хе-хе... А это, Петьк, поляков у тебе там не завалилось? Чегой-то они мене в последнее время тожеть не ндравются, — захихикал Митрич. И тут же успокоил: — Шутю, шутю. Я ж не изверг какой. Давай хучь немцев...

Лёжа на деревянных полках и вдыхая горячий пар, Петер и Клаус долго не могли понять, что они сделали плохого этому русскому человеку, который зачем-то хочет их лупить непременно пышными зелёными прутьями. Но потом им это даже понравилось. А когда после парилки они вместе выскочили на улицу, трясая мошонками, вначале не решаясь нырнуть в холодный снег, а потом, глядя на Петровича и Митрича, решились, то пришли в неописуемый восторг и попросили хозяев повторить процедуру несколько раз.

— Видите три снежных кучи, — смеясь, говорил им Пётр Петрович. — В правой дрова, в левой навоз, а посередине чистый снег. Смотрите, не перепутайте. А то дружок мой, Иван, так и норовит или дерьмом рожу измазать, или в дрова спьяну загреметь — вечно путает.

Петер и Клаус не перепутали ни разу. Они были законопослушными и внимательными. Сиднев даже слегка подивился.

После баньки на столе из неструганых досок их уже ждали самовар и нехитрая закуска. Семёновна расставила на столе плошки с блинами, сметаной, осетриной, салом, рассыпчатой варёной картошечкой, обсыпанной свежим укропом, мёдом, огурцами и помидорами бочкового посола и крынки с парным молоком и квасом. Когда Сиднев достал запотевшую бутылочку чистой, как слеза, водочки, соинвесторы попробовали протестовать, заявив, что не пьют крепких напитков.

— Год не пей, два не пей, а после бани выпей, — наставительно сказал Пётр Петрович.

И немцы сдались. А когда Семёновна достала ухватом из русской печи глиняный горшок щей, Петер и Клаус попросили сделать это ещё раз на бис, сами в это время щёлкали непонятно откуда взявшимися цифровыми фотоаппаратами.

— Петя, — говорил один из них, — я вырос на ферме, у нас тоже солили огурцы и помидоры, но у твоих совсем другой вкус!

Под вечер за столом собралась весёлая компания из местных жителей. А соседская Клавдия, незамужняя переспелка, обменивалась с Петером, который был тоже не женат, длинными многозначительными взглядами. Клаус улыбался пьяной улыбкой и вёл с Митричем разговор о политике.

— Чё-то мне последнее время ваш Гельмут Коль не ндравится — под мериканцев лечь так и норовит, так и норовит, — тряся бородой, как козёл, кричал Митрич в самое ухо Клаусу.

— О-о, Хельмут Коль давно на пенсии, Митричч, — отвечал тот.

— Да ты што? А кто ж у вас там нонче в канцлерах?

— Ангела Меркель, Митричч!

— Кто? Ангела? Баба, што ль? Это вы, Колька, здря! Здря бабу-то выбрали! Наворотит она там у вас!

— Клява, — спрашивал Петер у Клавдии, — а ти биваль на море?

— Не-а, — отвечала та, — я только на прополке свёклы биваль!

От русского быта немцы получили глубокое удовлетворение и долго, обнявшись, пели вместе со всей честной компанией «Катюшу» и другие русские песни под гармонь, меха которой развернул Пётр Петрович. После этого Сиднев сыграл польку «Пивная бочка», которую учил ещё в музыкальной школе, и все громко зааплодировали.

Спали гости на русской печи, положив под себя овчинные полушубки.

Наутро Петер и Клаус узнали, что помидоры и огурцы можно не только есть, но ещё и пить. И называется эта красота — рассол. А потом пили, как объяснил им Митрич, водку «ручной работы».

— Абсипентный синдром, или как попросту говорится, похмелье, хе-хе, о как, — посмеиваясь, и снова тряся седой бородой, говорил он.

Затем все вместе катались с горки на салазках, стреляли в лесу по бутылкам из охотничьего ружья, жарили в огороде шашлык на настоящем мангале и настоящих шампурах, пекли в костре картошку, лепили снежную бабу и играли в снежки. Гости веселились, как дети. Короче, выходные промелькнули, как один час.

На прощанье Клавдия повесила на шею Петера связку баранок и незаметно сунула ему в карман семейную ладанку, приносящую счастье и берегущую от нечисти. И долго потом вытирала слёзы, бормоча что-то о судьбе-злодейке и о том, что вот, мол, встретился один раз в жизни нормальный мужик, а и тот уезжает на свою неметчину.

Через два дня Пётр Петрович, получив приглашение от Петера и Клауса посетить их скромные жилища в Германии на будущий год и пообещав непременно приехать, провожал своих друзей на том же заснеженном аэродроме.

— Петя, — сказал Клаус, вытирая платком слёзы, — спасибо большое. Это, как сказать по-русски, есть чудо. Я был во много странах, я видел очень-очень много. Но такого...

Петер в это время обнял Петра Петровича, как хорошего друга.

— Мой дед воевать здесь, он любить Россию. Теперь я его понимать. Я тоже любить Россию, — сказал он.

Два розовощёких немецких соинвестора в кашемировых пальто, валенках и солдатских шапках с опущенными ушами гордо вышагивали по направлению к терминалу. В руках каждый из них нёс по две трёхлитровых банки с огурцами и помидорами бочкового посола, в то время как их большие дорогие чемоданы на колёсиках катили следом.

Перед тем как взойти на трап, они ещё раз вдохнули морозный воздух и оглядели эту странную заснеженную страну, в которой люди от души лупят друг друга берёзовыми вениками, а затем ныряют в снег, пьют самодельную водку и привязывают к дворникам старые верёвки.

— В следующий раз, герр фон Бок, надо привезти сюда свою жену и детей. Пусть и они посмотрят, как живут эти русские.

— Согласен с вами, герр Зиберт, — ответил Петер. — Теперь я уже немного понимаю и люблю такую Россию, — и, поправив связку баранок на шее, он покрепче обнял банки с овощами, залитыми рассолом из бочки.





ЛЕНОРА СЕИТ-ОСМАНОВА
(г. Симферополь,
Республика Крым, Россия)

Поэт, прозаик, автор-исполнитель песен, режиссёр, педагог, член Союза писателей Республики Крым (до 2018 г.), председатель клуба писателей «Литературные встречи» (до 2018 г.), автор изданной книги «Словом по холсту», публикаций в литературных журналах и альманахах России, Украины, Белоруссии, Израиля, Болгарии, США, лауреат литературных и музыкальных конкурсов, фестивалей (в том числе международных), награждена медалью Блаженнейшего Владимира Митрополита Киевского и Всея Украины, лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллектуальный сезон-2017» в номинации «Малая проза» (рассказы для детей).

ОДУВАНЧИК

Шестиклассник-отличник Женя Рыжков плёлся по улице, низко опустив голову — боялся увидеть себя в витринах магазинов. Модельная стрижка потеряла форму. Под глазом фингал. Стильные очки в погнутой металлической оправе, постоянно сползающие на кончик носа, его не скрывали. Мальчик иногда поднимал их, как можно незаметнее стирая испарину над верхней губой, и тихо вздыхал. Было от чего. Жека медленно приближался к месту страшной экзекуции — к своему дому.

Студёный ветер бесцеремонно забирался под грязную куртку. Они так долго выбирали её вчера с мамой в его любимом магазине. Что она теперь скажет? А что скажет папа? Тяжёлая капля начинающегося дождя издевательски стукнула по макушке. Вот и они так же начнут долбить по макушке нотациями. Стало зябко. Но мальчик даже не думал застегиваться и накидывать капюшон. Тем более что капюшон был наполовину оторван, а пуговиц осталось всего две. Да и какая теперь разница, промокнет он или нет. Всё равно не жить.

А ведь ещё какой-то час назад на небе, безоблачном, как его жизнь, светило солнце! Женя был переполнен гордостью, и вприпрыжку мчался на занятия по скрипке...

«Если бы их было хотя бы двое, — думал он, — я бы... А теперь всё!»

Мальчик снова и снова представлял себе тихие слёзы матери и холодную ярость отца: «Сыночка, как же так! Как это могло случиться с тобой? Ты же такой приличный мальчик!» — «А я говорил! Я говорил! Нечего доверять ребёнку такие суммы и такие поручения! Так и знал, что ничего путного из этого не выйдет!»

Женя остановился и поднял голову кверху. Не хватало ещё разреваться! Небо было серым, жизнь беспросветной.

Ветер, пожалев мальчишку, загнал солёную влагу обратно в глаза и тут... Слёзы ударили Женке в голову и превратились в гениальный план! Он вообще не пойдёт домой! Сбежит! Прямо сейчас!

Мальчишка медленно опустил голову и упёрся взглядом в яркое «солнышко». Пробившись из-под асфальта, оно отважно возвышалось на гибком тонком стебле. Тянулось к небу жёлтой головой и длинными стрелами-листочками. Первый одуванчик этой весны. Женя наклонился к нему и легонько погладил пушистую голову.

— Скажи, круто?

Мальчишкоглянул. У блестящего байка стоял мощный бородатый дядька в чёрной кожаной жилетке. Жека тоже себе такую вчера присмотрел, но мама не разрешила.

— В смысле?

— Смотри, какой он дерзкий! — мужчина указал на одуванчик. — Прямо как ты!

— Я? — удивился Женя. — Я не дерзкий.

— Ещё какой! Дерзкий — значит, смелый. А ну, иди сюда, боец.

Добрые глаза байкера светились искренним участием к его судьбе. Мальчик несмело подошёл к мотоциклу. Мощная машина! Женя много бы отдал, чтоб хотя бы минутку на ней посидеть.

— Что, брат, асфальтовую болезнь подхватил? А ну, прыгай в седло и рассказывай.

Женька был в таком отчаянии, что даже не вспомнил о том, что с незнакомыми людьми говорить опасно. Он уселся на мотоцикл и выложил всё, как на духу. И про то, что мама в первый раз поручила оплатить уроки по музыке в частной школе, и про хулиганов, и про одноклассницу Маринку, и про то, что скажет папа, и про побег.

Мужчина слушал, не перебивая.

— Сбегу и буду играть на скрипке, — закончил свой невесёлый рассказ Женя. — Заработаю, заплачу за музыку и тогда вернусь домой.

— Да, жёсткий трабл! — покрутил головой байкер.

— Один против четырёх, это да!.. Уважаю. А играешь как?
 — Нормально. Экзамен сдал на «пять».
 — Ну, тогда да! Хорошо придумал. А жить где будешь?
 — На вокзале можно жить.
 — Можно и на вокзале, конечно... — мужчина немного помолчал и кивнул в сторону одуванчика. — Только вот он тебя не поймёт.

Женя наморщил лоб.

— В смысле?

— Смотри, брат, сколько ног вокруг. Его ж в любой момент могут приложить. Затаптать. А он тянет голову к солнцу и ничего не боится. Для одувана тянутся к солнцу, это как для меня через пробку катить. Места мало, машин много, а надо вперёд. И он вырос, потому что солнце искал. Из маленького зёрнышка сам стал маленьким солнышком. У каждого человека тоже есть солнце, брат. Не то, которое одно на всех, а которое или есть, или нет. Это — честность. Вот тут, — и бородач приложил ладонь к своей груди. — Когда мы ищем к ней путь, тогда и растём, понял? И никаких расколбасов бояться не надо. Не бойся быть честным! Если не знаешь, куда рулить, мчи навстречу солнцу!

Женя не всё понял из того, что говорил байкер — он всё-таки был очень домашним мальчиком. Но главное уяснил.

Домой он всё же вернулся. Не сразу, конечно...

Уже у подъезда мальчик вспомнил про разрядившийся телефон, поэтому начал с него:

— Мам, пап, телефон сел, а я живой, — и, глядя на родителей, ошарашенных его твёрдой убеждённостью в собственной правоте, спокойно и честно продолжил:

— Взрослые мальчишки забрали у Марины деньги. Я хотел ей помочь и подрался. Они сбежали, и я ей все деньги отдал. Маринина мама заболела, а папа их бросил. Ей нужно было срочно купить лекарство. Я заработаю и всё отдам. С директором музыкалки договорился. Она согласна.

Отец посмотрел на заплаканное лицо мамы и сказал:

— Я-то думал, мы мальчика-одуванчика воспитали, а ты... молодец! Так и знал, что тебе можно доверять! Давай краба!

После ужина мальчик открыл в телефоне сообщения и прочёл: «Спасибо, Женя! Ты очень смелый! Даже не ожидала от тебя. Бабушка сказала, что таких Мужчин мало. Завтра всё отдам. Маме стало лучше. ☺»



МИКОЛА БАЛИЦЬКИЙ

(м. Сімферополь,
Республіка Крим, Росія)

Прозаїк, член Співки письменників Республіки Крим. Друкувався у багатьох російських виданнях, автор книги «Екатерина Балицкая: мысли, картины, стихи». Лауреат медалі-премії ім. С. Я. Надсона, лауреат Міжнародного літературно-музичного фестивалю «Интеллигентный сезон-2017».

СРІБНА ВАЗА

З циклу «Не дитячі розповіді про дітей»

Срібна ваза стояла на столі прокурора і була тепер не музейним експонатом, а речовим доказом у справі мого друга Петруся. Виїзне засідання суду проходило в Будинку культури невеликого кримського райцентру. Але, про все згодом.

Яка благодать на південному березі Криму!

Та хто б сперечався?

І зрозуміло, що більшість відпочиваючих мчать на ПБК, проїжджаючи маленькі, але такі чудові містечка гірського і степового Криму, яким є Старий Крим — місто старовинних монастирів і мечетей, місто Гріна і Каплера, місто, яке затишно розташувалося в невеликій полонині між двома горами Агармиш і Пантелеймон. Хвойні ліси Агармиша щільною смарагдовою стіною захищають місто від північних вітрів, а чудові сади, річечки і святе джерело Пантелеймона рятує від південної спеки. Завдяки цьому, тут створюється унікальний оздоровчий клімат, по який їдуть ті, хто знає про його цілющі властивості, як колись їхали Всеволод Рождественський, Юлія Друніна, Максиміліан Волошин, Леся Українка і багато інших.

З цієї ж нагоди, напевно, в шістдесятих роках приїхав із Середньої Азії до нашого містечка Григорій Ілліч, який брав участь в розкопках під Ашхабадом, і, як вчений, досяг великих успіхів. Матеріалів, зібраних в цій експедиції, йому вистачило на довгі роки роботи вже в Криму. Але наукова діяльність не заважала йому бути благодійником для оточуючих. Він запрошував нас — хлопчиків та дівчат — з вулиці Трудової до своєї домівки, де був запах справжнього музею: на полицях рядами стояли людські черепи і кістки прадавніх тварин, у величезних банках зберігалися заспиртовані рідкісні представники азіатської фауни. На полицях тулилося безліч черепків давнього посуду і домашнього начиння, серед яких була і срібна ваза якогось хана. Захоплюючи розповіді Григорія Ілліча про життя стародавніх людей зачаровували нас, ну а діафільми, які були для нас в дивину, озвучені його магічним голосом, переносили нас в казковий світ різних країн і часів.

Віра Максимівна, дружина Григорія Ілліча, була не менш романтичною натурою і любила нам читати що-небудь з Гріна, особливо роман «Та, що біжить по хвилях», а ще пригощала східними солодощами, які сама готувала.

Коли на вулиці хтось із пацанів або дівчат пропонував:

— Підемо до Греху!

То ми довго не вагалися, і всі гуртом ввалювалися до нього на подвір'я. Прізвисько Грех не від слова «гріх», так ми скорочували ім'я Григорій.

У дворі прямо по центру була розбита клумба, перед якою стояв дерев'яний сонячний годинник. В глибині подвір'я був сад, у затінку якого розташовані вольєри та клітки з невеликими екзотичними тваринами і птахами. Григорій Ілліч часто-густо фотографував нас то з павичами, то з ігуаною, то з білими щурами, які без сорому повзали по наших плечах і головах. Задня хвіртка саду виходила на покинутий колгоспний сад і далі через річку Чурюк-Су на гору Пантелеймон. Глухе місце. А в правому кутку саду господар змайстрував гойдалку подібну до дерев'яного човна. Ми полюбляли лазити по човну і тоді він поскрипував, як справжній вітрильник, на якому ми на чолі з капітаном Грехом вирушали в заморські країни.

Петька був високим білявим хлопцем і дружив з моєю старшою сестрою Уляною. Напевно, у них це було перше кохання. Можливо. Але мені тоді було невтямки. З навчанням в школі у Петьки не залади-

лось і, як тільки йому виповнилося шістнадцять, він здав іспити на права мотоцикліста та пішов працювати на триколісному моторолері «Тула». Ми з Петрусем швидко заприятелювали. Іноді він давав мені покерувати. Не кожному хлопчику так щастило і, звичайно ж, я був в захваті від їзди на цьому драндулеті.

Петькіни взаємини з Уляною розвивалися мляво, напевно, і від того, що він у вихідні іноді прикладався до чарки і приходив до нас напідпитку. Тоді сестра візьми та й прожени його. Засмучений Петька попросив у мене ровера покататися.

Звичайно ж, я не міг відмовити своєму старшому другу в такий приємності, як покататися на новенькому апараті. Ну, Петька і поїхав... Спочатку проїхав по Трудовій, потім об'їхав навколо нашого кварталу по Пролетарській, Жовтневій, Калініна і раптом зник разом з моїм новеньким «Уралом».

Ми чекали Петьку до самого вечора, але він так і не з'явився.

На ранок мені треба було йти до школи. Я ледве-ледве дочекався закінчення уроків і бігом, прямо з портфелем, помчав на Болгарщину, так називали район, де жив Петька. Яке ж було моє розчарування, коли я побачив притулений до стіни старої татарської будівлі свій «Урал»! Велосипед був такий же зелений, такий же блискучий, але весь розбитий: рама погнута, кермо згорнуто, з переднього колеса стирчить гумова камера. Сльози самі покотилися у мене з очей, і я похмуро поплентався додому.

Добрий по своїй натурі Петька, коли на наступний день протверезів і зрозумів, що зробив боляче всієї сім'ї коханої дівчини, тут же вирішив все виправити. Але як виправити? Велосипед відновленню не підлягав, а купити новий у нього не було грошей.

Під час зустрічі з Уляною, ймовірно, сталося неприємна розмова, яка змусила Петьку діяти.

І він прийняв рішення.

Петрусь знав, що у Греха в музеї є срібна ваза, продавши, яку він зможе купити мені новий велосипед.

Гратів на вікнах будинку не було. Музей — велика комора зі стелажми та без вікон. Потрапити туди можна тільки через вітальню, але двері між вітальнею і музеєм зачинялися на ключ. З безтурботністю, яка властива багатьом вченим, Григорій Ілліч зберігав цей ключ тут же у вітальні в комоді. А коли він проводив для нас чергову екскурсію по музею,

діставав ключ з шухляди і відмикав музей. Всі відвідувачі знали про це, в тому числі і Петька, який ні раз бував у Греха. Він так само знав, що у вольєрі живуть дві величезні вівчарки, яких випускають на ніч у двір, швидше за все, погуляти, ніж для охорони. Петька розраховував потрапити в музей через вікно вітальні, що виходить на вулицю і, тому собаки йому не повинні були перешкодити.

У Криму ночі темні і це було Петрусью на руку. Пізно вночі він підкрався до вікна вітальні Греха. Напередодні Петьку розривали суперечливі почуття: він знав, що повинен повернути новий велосипед і в той же час його мучила думка про те, що зробити добру справу він вирішив за допомогою крадіжки. Але ці думки були вчора, а сьогодні він тут перед вікном і треба діяти. Петя обережно відковиряв замазку, вийняв цвяхи і виставив скло. Страх майже паралізував хлопця, але ж він поліз у вікно. Ключ від музею виявився на місці і Петрусь відімкнув двері музею. В середині було темно, але хлопець взяв з собою ліхтарик, яким він висвітлив стелажі. І раптом з темряви на нього подивилося щось багатооке і страшне. У тьмяному світлі ліхтарика Петька не відразу зрозумів, що людські черепи дивилися на нього з полиць своїми порожніми чорними очницями. Від жаху у Петьки затремтіли коліна, але назад шляху не було. Не минуло й хвилини, як срібна ваза опинилася в його торбині і, добропорядний хлопець, з цієї миті ставши злодієм, попрямував назад до вікна.

В цей час Віра Максимівна, яка страждала на безсоння, щоб не заважати, мирно сплячому чоловікові, встала з ліжка і пішла у вітальню почитати книгу. І яке ж було її здивування, коли, ввімкнувши світло, вона побачила посеред вітальні Петьку з торбиною у руці. Вона майже не злякалася, бо знала Петю з маленького. Більше злякався хлопак, і це було природно, адже він був в шоці і погано розумів, що відбувається. Тим часом Віра Максимівна, перша опанувала себе і запитала майже спокійним голосом:

— Петя, що ти тут робиш? — і, розгледівши мішок в руках хлопця, запропонувала йому, — у міху, напевно, не твоя річ залиш її і йди, інакше я спущу на тебе собак.

Петька злякався ще більше, він не міг вимовити ні слова, тим більше поворухнутися. Так і дивилися одне на одного: вона впевнена і зла, а він переляканий і розгублений. Пройшли якісь секунди, але Петрусью здавалося, що час зупинився, він як і раніше не володів собою.

— Як хочеш, — строго по-вчительськи сказала Віра Максимівна, — я йду за собаками, — і попрямувала до дверей.

Петька знав, що вночі собаки знаходяться у дворі і варто відкритися дверям, як дві величезні східні вівчарки кинуться на нього. Хлопець прийшов до тями і заволав не своїм голосом:

— Ні-і-і! — та кинувся в коридор слідом за старою.

Що було далі Петька пам'ятає смутно, тільки руки самі підняли лантук з вазою і опустили його на голову жінки. Удар видався не сильний, але мабуть припав на життєво важливе місце, тому що Віра Максимівна з гуркотом звалилася на підлогу.

Від шуму прокинувся Григорій Ілліч і, вискочивши зі спальні, побачив на підлозі дружину, яка лежала непритомна, а перед нею на колінах сидів юнак з мішком в руках, і здригався від істеричного ридання...

Потім ніхто з нас Петьку не бачив. Суд був у райцентрі, і ми дізналися, що термін йому дали дуже великий.

Віру Максимівну поховали неподалік від могили Олександра Гріна, де стоїть пам'ятник «Той, що біжить по хвилях». Своїй дружині Григорій Ілліч зробив обеліск з білого каменю, точно, як срібна ваза.





ВІРА КИРИЧЕНКО
(м. Ялта,
Республіка Крим, Росія)

Поет та прозаїк, член Всеукраїнської творчої Спілки «Конгрес літераторів України», член Союзу письменників Республіки Крим. Видала 12 авторських збірок. Автор та редактор альманаху «Планета друзей», котрий одержав грант на видання авторів в додаток до журналу «Российский колокол» (м. Москва, 2016 р.). Лауреат літературної премії ім. Василя Чумака (Україна, 2014 р.), лауреат та дипломант Міжнародних літературних фестивалів: «Чеховская осень» (м. Ялта, 2010 р.), «ЯЛОС» (м. Ялта, 2015 р.), «Казантип поэтический» (м. Щелкіно, 2016 р.), «Интеллигентный сезон» (м. Саки, 2017 р.)

МУКИ СУМЛІННЯ

(Оповідання для дітей)

У повоєнні роки в більшість з сімей мало не менше трьох дітей. Однадві дитини були у тих, котрі побралися перед війною. Звичайно, в школі бракувало місць для класів. І тому їй доводилось працювати у дві зміни. З п'ятого класу по дев'ятий ми навчалися в другу зміну. Того року зима була волога і вітряна. З самого ранку небо покривалось хмарами, і коли ми поверталися зі школи (а це було біля двадцятої години), суцільна темінь огортала вулиці.

У той день шкільна бібліотека поповнилася новими книжками. Я допомагала переносити їх з воза, та побачивши красиву в твердій палітурці книжку Аркадія Гайдара «Тимур та його команда», попрохала Марію Іванівну видати її мені. Вона спершу її зареєструвала, поставила штемпель, та записавши на мене, дозволила її взяти. З якою радістю я

притискала книжку до себе! Від неї ще надходив запах друкарської фарби. Всі уроки я її протримала у себе на колінах, роздивляючись ілюстрації. Коли закінчились уроки, мала намір утиснути її в брезентову торбу, в якій носила шкільні зошити та книги, та книга була така велика, як класний журнал, що не могла втиснутися туди. Довелось нести її в руках.

На нашій вулиці з мого класу жило дев'ять дітей, тому в темряві гуртом було не страшно йти до дому. Але я не дійшла до мого будинку кроків сто, як хтось, ударивши мене, висмикнув книжку й побіг, а слідом за ним побігли всі. Я була приголомшена. Ніколи ще не зазнавала такої душевної травми. Мене тільки втішала надія на те, що хлопці почитають книжку та повернуть її мені.

На другий день у школі я довідалася, що вибив у мене з рук книжку Іван Продан, але він її не взяв, і вона залишилась на дорозі. Що мені було робити? Повернути книжку в бібліотеку я повинна була через тиждень. Усі ці дні я переймалася, не знаючи, де її дістати. Коли пройшов тиждень, я прийшла в бібліотеку й зізналась у всьому, запропонувавши принести їй дві книжки замість загубленої. Але Марія Іванівна не погодилася. Вона ввійшла в моє становище і промовила, щоб я повернула кошти за книжку — тринадцять карбованців, а штраф на мене не накладе. Але якщо за два дні я не поверну гроші, вона напише листа на завод, де працював мій батько, щоб у нього вирахували із зарплати і штраф, і кошти за книгу. Я дуже боялася батька. У сім'ї було п'ятеро дітей, а він отримував у місяць триста карбованців. Мама інколи батрачила у людей за десять карбованців у день. На душі було щемно. Мама побачила, що зі мною щось не так, усе запитувала, чи не захворіла я. Довелося вигадувати, що багато задають уроків, і тому болить голова.

За ніч я знайшла вихід. Набрала в торбинку тринадцять склянок зерна, яке мама приховала на «чорний» день, і пішла на базар, щоб продати по одному карбованцю за склянку. Поруч зі мною торгувала Шура Швидченко. Вона була старшою за мене на чотири роки, але з першого класу по четвертий навчалась зі мною в одному класі, оскільки під час війни вона не змогла вчитися. Закінчивши початкову школу, вона стала приторговувати, чим прийдеться. Так вона заробляла на життя. Я бачила, як вона жваво вела торгівлю лавровим листом та дріжджами, а моїм товаром ніхто не цікавився. І раптом я побачила, як із Шуриної кишені визирає червона купюра в десять карбованців. Поки вона пропонувала

свій товар, я якось механічно висмикнула цю купюру, заховала в зерно, зав'язала торбинку й побігла до дому. Про наслідки я в ту мить не думала. Треба було ще десь дістати три карбованці. У кімнаті, відкривши скриню, в боковій шухляді я побачила три карбованці, які залишилися на хліб. Схопивши ці гроші, я, зібравши шкільні книжки із зошитами, побігла до школи, де віддала гроші в бібліотеку. Марія Іванівна попрохала мене, щоб я нікому не розповіла про те, що вона з мене не взяла штрафу, сказавши, що за тринадцять карбованців вона замовить аналогічну книжку і ніхто ніколи не визнає за цей випадок. Після цього я повинна була заспокоїтись, але серце моє щеміло, неначе передчувало якесь лихо.

Прийшовши додому, я зрозуміла весь жах своєї провини. У кімнаті стояла відчинена скриня, а всі речі з неї були розкидані по долівці. Усі чотири брати стояли в святому кутку на колінах, розчервонілий батько шмагав їх попругою за гроші. Побачивши мене, він поставив мене поряд з братами на коліна та замахнувся попругою, але мама схопила його за руку, заголосивши: «Павлуша, отямся! Дівчинка не могла взяти гроші! Бий краще мене!» Батько вдарив її, гримнув, щоб не заважала дізнатись істини. Він прохав нас зізнатися в зробленому, інакше всі до ранку будемо стояти в кутку. І раптом Микола — справедливий, але жорстокий брат, дивлячись на старшого брата Шурка, промовив: «Зізнайся, пацюк! Інакше... гілляку я вже придивився, а мотузку знайду!» Я ридала не від болючих ударів попруги, а від почуття своєї вини та жаху бути повішеною. Батьки полягали спати, а ми, стоячи в кутку, чули, як схлипувала мама та плакав, стогнучи, батько. Через дві години батько велів нам лягати спати. Через мене були даремно покарані брати. Я це усвідомлювала, але страх отримати покарання ще й від братів утримував мене від зізнання. Я поклялася, що поверну всі гроші і в хату, і Шурі Швидченко.

З яким нетерпінням я чекала на зимові канікули! На Різдво із самого ранку я відправилася колядувати по всіх вулицям та провулках. Цілий день ходила по слякоті і все ж таки наколядувала три карбованці. Зразу розміняла їх на одну купюру та поклала в скриню, прикривши речами.

Навесні, перед Великоднем, коли мама мазала крейдою кімнату та провітрювала речі із скрині, вона витрусила три купюри по три карбованці. Зібрала вона всіх нас та й промовила: «Я не хочу знати, хто взяв ці злощасні гроші, але я бачу не тільки каюття, але й вашу любов та взаємовиручку. Не жадність спонукала грішника, а, мабуть, безвихідь.

Тому батькові розповім про ці три карбованці, що вони загубились в речах, і що крадіжки не було. Хай мене Господь простить за цю брехню!»

Я до цього часу не знаю, хто підкинув дві інші купюри, але думаю, що Микола і Шурко. Так я і не змогла зізнатися в своєму гріху, а зараз уже нема в живих ні батьків, ні братів. Ця біль моєї провини до сих пір ятрить мою душу.

Шура Швидченко зрозуміла, що це я вкрала в неї гроші. Якось при зустрічі вона обізвала мене «зłodійкою». Я не виправдовувалась, а заплакала і про все їй розповіла. Я дала обіцянку повернути їй ці десять карбованців при першій змозі. Вона не наполягала на їх поверненні, а промовила, що прощає мене, що я сама себе вже покарала. Але, все ж таки, отримавши першу стипендію, я повернулася в Ічню, розшукала Шуру, принесла їй гроші та коробку цукерок. Гроші вона не взяла, а з цукерками ми пили чай. Згадуючи той жахливий випадок, ми довго розмовляли про нелегке життя та обливались слізьми.





АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ



ЯРОСЛАВ ГОНЧАРОВ
(г. Симферополь,
Республика Крым, Россия)

Автор-исполнитель, член Союза писателей Республики Крым и литературной студии им. Н. А. Кобзева. Лауреат поэтического конкурса «Серебряный Пегас», X Всекрымского творческого конкурса «Язык — душа народа» в номинации «Ораторское мастерство», VI, VII, VIII Республиканского литературного семинара молодых авторов Крыма в жанре поэзии, Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2015» в номинации «Авторская песня», конкурса «Поэтический марафон-2017» в номинации «Лучший автор-исполнитель» фестиваля молодёжной авторской песни «Молодость» (2017) в номинации «Авторская песня», конкурса «Высоцкий о войне и мире» (2017), литературного фестиваля «КрымБук-Фест-2015 и 2016», Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации авторская песня.
<https://www.youtube.com/watch?v=t2RZikh2hLw>

МОЙ СТАРЫЙ КАПИТАН

Мой старый капитан учил меня однажды
Побольше в жизни слушать и меньше говорить,
В словах и обещаньях не повторяться дважды,
А если что сказал, то слову верным быть.
И капитана слово в душе моей навеки,
По жизни сквозь года оно меня ведёт.

Дать слабину нельзя: коль слабость в человеке,
 Его почти всегда бросает жизнь за борт.
 Мой старый капитан учил меня когда-то
 Ни грязь не разводить, ни сыпать глупо брань,
 И чётко различать, что лживо, а что свято,
 А между ними часто едва заметна грань.
 Не ожидать годами судьбы благословенья,
 А самому пахать, да с потом на лице,
 И коль идёшь на взлёт — готовым быть к паденью,
 А коль ты лишь вначале, то помнить о конце.
 Мой старый капитан мне говорил сурово:
 «Не допускай гордыни и зависть гони прочь:
 Они на дно утянут — потонешь бестолково,
 И самый яркий день они изменят в ночь.
 Сомненья — не ходи, пошёл — не сомневайся,
 И не гаси в каюте надежды яркий свет.
 А к цели ты стремись, упал — так поднимайся:
 Упасть ведь может каждый, а вот подняться — нет».
 Мой старый капитан давал свои советы:
 «Ты злобы не держи и людям всё прощай.
 И злость прости, и подлость. Прости, мой друг всё это,
 Прости, мой друг, но впредь не доверяй.
 Бороться за мечту и цели добиваться,
 А если волны бьют, сжать зубы, да терпеть.
 И рук не опускать, а цели добиваться,
 И что бы ни случилось — паниковать не смей».
 Он научил меня, что хорошо, что гадко,
 Оазиса не видеть в обычном мираже.
 И если у меня сомненья и догадки,
 Я вспомню капитана — и легче на душе.



ЮРИЙ БОЛДЫРЕВ
 (Азербайджан – США –
 Великобритания – Россия)

Поэт, бард. Исполнитель собственных песен, сотрудничает с композитором Владимиром Нелюбиным. Их песню «Бессмертный полк» взял к себе в репертуар Иосиф Кобзон.
<https://www.youtube.com/watch?v=sfNoH1Hjkqo>

Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Авторская песня».

КРЫМ И ОСЕНЬ

Моет ветер крылья частыми дождями —
 Осень в Крым пришла, да лучше б опоздала.
 Не одна пришла, а вместе с закадычными друзьями,
 Загуляла,
 Загуляла,
 Загуляла.
 Что за пара? Что за ветренная пара?
 Это Осень в вальсе кружит полуостров.
 Он седой, давно седой, но он не старый —
 Рядом с ней нестарым быть ужасно просто.
 Крым и осень!

Крым и осень!
 В Ялте или на Форосе,
 Где бы встретить мне из прошлого русалку?
 Крым и осень!
 Крым и осень!
 Просто сердце счастья просит,
 Ну, сотворите чудо, если вам не жалко!
 Древняя лоза любовью напилась давно,
 И захмелели гроздьё изабеллы.
 В старые меха сегодня новое вино
 Наливает осень неумело.
 Крым и осень!
 Крым и осень!
 Может, всё забыть и бросить
 Из былого вызывать чужие тени?
 Крым и осень!
 Крым и осень!
 Ставлю точку на вопросе,
 Отложив решения все на понедельник.
 Крым и осень!
 Крым и осень!
 Заманили меня в гости,
 Уболтали бархатным сезоном.
 А теперь былого проседей
 Мне полощут Крым и осень,
 Будто кости, злые сплетницы района.
 Моет ветер крылья частыми дождями —
 Осень в Крым пришла, да лучше б опоздала.
 Не одна пришла, а вместе с закадычными друзьями,
 Охру с бронзой разбросала, раскидала...



СЕРГЕЙ ЛЕОНТЬЕВ
 (посёлок Белоозёрский,
 Воскресенский район
 Московской области,
 Россия)

Поэт, автор-исполнитель, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы. Автор поэтических сборников «Первая скрипка» и «Две Луны», музыкальных альбомов «Листопад», «Корабли», «Я живу в Подмосковье». Обладатель Гран-при, лауреат фестивалей авторской песни и поэтических конкурсов в России и за рубежом. Лауреат литературной премии «Славянские традиции» (2016 г.) Обладатель второго места в открытом творческом конкурсе на создание гимна Подмосковья, автор официального гимна города Воскресенска. Песни на его стихи исполняют Витас, Рада Рай и другие артисты. Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Авторская песня».
https://www.youtube.com/watch?time_continue=6&v=Abnie-b9Msg

КРЕСТ И ПОЛУМЕСЯЦ

1

Снег сегодня утром
 Словно белый сахар,
 Нагулялся ветер,
 Кончилась метель.
 Мне приснилось, будто
 Больше нету страха
 За мою планету,
 За моих детей.

Мне приснилось небо,
А под небом город
С колокольной белой,
Уходящей ввысь,
И при мне из пушек
Высыпали порох,
И слова прощенья,
Как ручьи, лились.

ПРИПЕВ:

В облака укутан,
Золотился купол,
Разливали зори
Красное вино.
И сияли вместе
Крест и Полумесяц,
И держали небо,
На двоих одно!

2

Снег сегодня утром
Тёплый, как ребёнок,
В небесах безбрежных
Растворило боль.
Мне приснилось, будто
С колокольным звоном
Вновь пришла надежда,
Вера и любовь!
И вела сквозь город
Светлая дорога,
Возвращая мир и
Счастье в каждый дом.
И стояли люди,
И молились Богу,
И просили Бога
Каждый о своём...

3

Говоришь, во мгле небесной
Только звёзды да кометы,
Нет ни ангелов, ни бесов,
Ни Христа, ни Магомета?

Не спеши, начни сначала,
Сядь за ветхие страницы.
Просто жить на свете – мало,
Надо верить и молиться!

Чтоб душа осталась чистой,
Словно новая рубаха,
Чтоб ложился снег пушистый,
Белый-белый, словно сахар...

Чтобы жили дух и тело,
Зрели яблоки и сливы,
Чтоб земля не опустела,
И опять сюда пришли мы,

Где, сгорая на рассвете,
Над водой рябины гнутся,
Ведь на маленькой планете
Нам с тобой не разминуться...

ПРИПЕВ.

**ВАЛЕНТИНА МАГЕР**

(г. Щёлкино,
Республика Крым, Россия)

Поющая поэтесса. Член ЛИТО «Свирель» (город Щёлкино) с 2010 года, член Союза писателей Республики Крым, Союза писателей-маринистов Республики Крым и города Севастополя. Солистка ДК «Арабат» г. Щёлкино. Автор четырёх музыкальных альбомов, поэтического сборника «Души серебряные струны», печаталась в коллективных сборниках. Победитель многих фестивалей и конкурсов, обладатель Гран-при фестиваля «Казантип поэтический-2017» и районного конкурса «Наследники Победы-2017». Награждена медалью «200 лет со дня учреждения Георгиевского креста» и орденом «70 лет Великой Победы». Лауреат Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017» в номинации «Авторская песня».

ЛОДОЧКА

I

Гой, на пенистых волнах лодочка плывёт
И размашистым веслом с моря воду пьёт.
Не кручинься, не жалея, не греби назад,
По волнам своей судьбы в море — наугад!

ПРИПЕВ:

Закружило, завертело, понесло,
И об острый риф разбила я весло,
Но назад не ворочусь, я не ропщу,
Свою гавань обязательно сыщу!

II

В этой гавани песок белый, как стена.
Тихий, райский уголок, где всегда весна.
Горя нет и нет здесь слёз — тишь и благодать,
И любви твоей ко мне больше не отнять!

ПРИПЕВ.

III

Пусть придётся по морю, гой, как тяжело плыть,
Но о гавани мечту и волной не смыть,
Не шторми ты, не гневись, грозная вода,
В утлой лодочке своей я не навсегда!

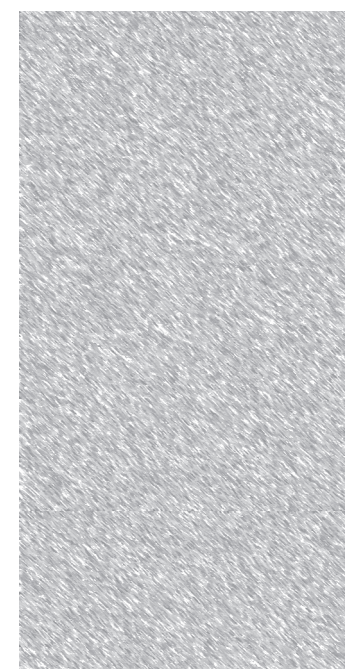
ПРИПЕВ.

ПРОИГРЫШ:

гой-я-я, гой-я-я, ... лодочка моя!



СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ



**ЕЛЕНА ДАНИЛОВА**

(г. Саки,
Республика Крым, Россия)

Поэт, член ЛИТО «Сакские родники», обладатель I места в специальной номинации «Город Саки: очевидное, но невероятное» Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллектуальный сезон-2017».

РОЗМОВИ ВНОЧІ

Тихенько вітер гілками тріпоче,
І в нашім парку тиша настає.
А серед ночі дівчина шепоче:
«Миколо, любий, чуєте мене?
Ми оба-двоє з вами українці.
Багато кроків розділяє нас,
Але так хочеться побути на одинці...
До ранку у нас з вами є ще час». —

«Та що ви, Лесю! Швидко час спливає.
І добре, що не бачите мене,
Бо ви — не пам'ятник, а гарна, пишна пані,
А я — лише безногий монумент.
Мені приємно з вами розмовляти
На рідній мові, милій та співучій.
Я хочу вам поему розказати,
Яку спалив так швидко та рішуче». —

«Миколо, краще про кохання розкажіть!» —

«Не зміг нікого, Лесю, полюбить.
От начебто красива та вродлива,
А може, Панночка чи Мавка полохлива?
Про всяку нечисть малоросську я писав,
А от кохання час не приділяв». —

«Я так хотіла вічного кохання,
Але хвороба допікала зрання,
І, щоб її в собі хоч як позбутись,
Писала вірші. Хочете почути?..»

Настала ніч. Співає соловейко.
Микола з Лесею тихенько гомонять.
Наш Гоголь й наша Леся Українка,
У Сакськім парку вічно вам стоять!



**ЕЛЕНА СЕМАГИНА**

(г. Саки,
Республика Крым, Россия)

Поэтесса, писатель-фантаст, член литературного объединения «Сакские родники». Публиковалась в различных литературных альманахах, сборниках и журналах. Призёр многих литературных конкурсов и фестивалей, лауреат премии им. А. Куприна, фестивалей «Интеллигентный сезон» (2015, 2017), «Пристань менестрелей», «Климентфест», «На берегу муз». Обладатель II места в специальной номинации «Город Саки: очевидное, но невероятное» Международного литературно-музыкального фестиваля «Интеллигентный сезон-2017».

БРОНТОСТИХ

(«Город Саки: очевидное,
но невероятное»)

Все, кто в Саках бывал, на озёрах,
Неприменно желают успеть
Для развития всего кругозора
Динозавра самим посмотреть.

Вот чудно: минералка в ротонде,
Санаторий, бассейны, огни
И внезапно: седеющий Бронтик
Посредине косматой степи.

Раз узнали от местных зеваки:
Не стоял городок кружевной,
Не лечились писатели в Саках,
На моря не стремились толпой,

Не построили древние замок,
Не собрали просолённый ил,
Но гуляли в полях динозавры,
И, конечно, наш Бронтик бродил.

Они мирно глодали деревья,
Любовались, как море шумит,
И о грязи мечтали, наверно,
Чтобы вылечить старый артрит.

Первобытные пили бальзамы,
Первобытный растили ковыль,
Танцевали в полях бронтодамы
Элегантную бронтокадриль.

Странный казус: гигантского зверя
Отыскать не пытались давно.
Археологи хором: не верим!
Бронтозавра тут быть не должно!

Только вот он — бесстрашным солдатом
Гордый Бронтик у всех на виду.
Динозавры тут жили когда-то?
Он не скажет о том никому.

КАРА-ТОБЭ

Чёрным камнем в степи притаилась,
Побелевшие крохи роняя,
Величайшая тайна Тавриды —
Грозный город, твердыня седая.

Сон навязчивый или виденье,
Что стены отворились порталы —

Из просторов, прожжённых светилом,
Сила страшная вновь выступала.

Холм и крепость. Клубится над взморьем
Дым костров. Ожидает Некрополь,
Пропитался день потом и солью,
И дрожат в предвкушении копья.

Гром войны! И в самом Херсонесе
Ни герои не сдюжат, ни боги.
Одолеть Таргитая наследье,
Племя славное сдвинуть с дороги.

Молча замерли пыльные камни,
Что минуло, того не исправить.
Но остался в пучине преданий
Чёрный холм — греко-скифская память.

МОРЕ СИМЕИЗА

Море... Уснуть на часок
В томных твоих объятьях.
Ракушку — на висок.
К телу — солёное платье.

Горсть серебристых камней
Бросить в уста приборя,
В рябь, где вода бледней,
Кружево пены густое.

Солью пропитанный бриз
Брызги в лицо швыряет —
Стало быть, Симеиз
Кошкой гостей встречает.

Вычернив скальный изгиб,
В воду влетает Девой.
Входит в синюю зыбь
Гордой морской королевой.

Воздух, горяче звеня,
Тело жарой поцарапал.
Нежное море меня
Трогает пенной лапой...

МОЯ ЗЕМЛЯ

Моя земля сверкает красотой.
Надела, словно девушка, наряды
И ловит зачарованные взгляды,
Украсив стан, как бусами, росой.

К лицу букеты бархатные трав,
Полынное узорное цветенье,
Вьюнка замысловатое плетенье,
Пятнистый сумрак дремлющих дубрав.

Она так сладко пахнет чабрецом,
Лавандовым лиловым ароматом,
Душистым освежающим гранатом,
Рябины красной сказочным костром.

Заря румянит заросли низин,
Роняет аметистовые краски
На светлые усмешливые глазки
Соцветий пряных солнечных долин.

Поёт речушек голосом грудным,
Хохочет одичалым водопадом,
Далёким оглушительным раскатом
Моя Таврида. Мой священный Крым...

* * *

Какая-то в предночи загадка:
Витражными осколками зари
Засыпаны чугунные оградки
И плещут свет размытый фонари.

На темнотой обугленных деревьях
Очерчена узорная листва,
И кажется, как будто приведенья
Заклятий шепчут древние слова.

Упрямый диск, от сумерек чумазый,
Скользит с обсидиановых небес.
Лукаво смотрит одиноким глазом
На твердь земную полнолунный бес.

* * *

Потемнело. Наш мир притаился
За оконной прозрачной стеной.
Там стекают бессильные числа
С циферблатной основы рябой.

Как обычно, у нас посиделки,
Разговоры, бессонницы взгляд...
А давай передвинем мы стрелки
Лет, примерно, на десять назад.

Ненадолго — на несколько вздохов,
На рассветную вспышку вдали,
До момента, когда одиноко
Друг без друга по жизни брели.

Только тронем звенящие струны,
Насладимся сполна кутерьмой,
Поглядим, как безумно мы юны,
И сейчас же вернёмся домой,

Где царит тишина голубая,
Из рутины лепить благодать.
Или выпьем имбирного чая,
Только дети улягутся спать.

Соберём торопливо минуты,
Драгоценнее целой земли —
Они скрылись, где тени уютны,
К нашим душам давно приросли.

Они спрятались в спальне украдкой,
В аромате домашней стряпни,
Затерялись в неубранных складках
Позабытой сутра простыни,

Прикорнули на детской постельке,
Закружили под люстрой — не счесть!..
А давай остановим стрелки,
Каждый день оставляя, как есть.

ЛЕТО

А я обожаю лето
С его жарой,
С его африканской дикостью,
С длинно-юбочной паранджой
И голою многоликостью.

Когда горячи фонтаны,
Горяч рассвет,
И солнце как будто сбрендило —

Красит воздух в медовый цвет,
Выводит лучами крендели.

Стеная, прохладу ищем
По всем углам,
К морской припадая благости,
Нагло липнет загар к телам
И манят румянном сладости.

А я обожаю лето,
Когда душней,
И люди в изнеможённости.
С самых первых сентябрьских дней
Я жду его пылкой влюблённости.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Вечереет. В изменчивых бликах
Золотится у моря песок.
В каменистых просторах безликих
Заблудился хмельной ветерок.

Горьковато повеяло солью,
С ароматом медовым вина.
Убегают по сизому взморью
Запоздавшие лучики дня.

Вдалеке раздаются напевы,
Крики чаек и гомон сверчков,
Отражаются в воздухе белом
Переливы ночных голосов.

Над ползущей сиреневой тенью
Краснопёрая пышет заря,
Словно лето черничным вареньем
Перемазало все облака.

* * *

Вечер. Тени собираются,
А на радужном мосту
День клубочком умещается
И готовится ко сну.

Пахнет мятой и мелиссою,
Ароматным чабрецом,
В травах зайцы серебристые
Пробежали босиком.

Солнцем камни обливаются,
Но багряные огни
В сонных водах растворяются
Позолоченной реки.

Гуще воздух, боязливые
Отголоски в облаках,
Дымка стелется над ивою,
А в шафрановых полях

Смотрят, скрытые бурьянами,
Васильковые глаза.
В небе тучами румяными
Расползается гроза.



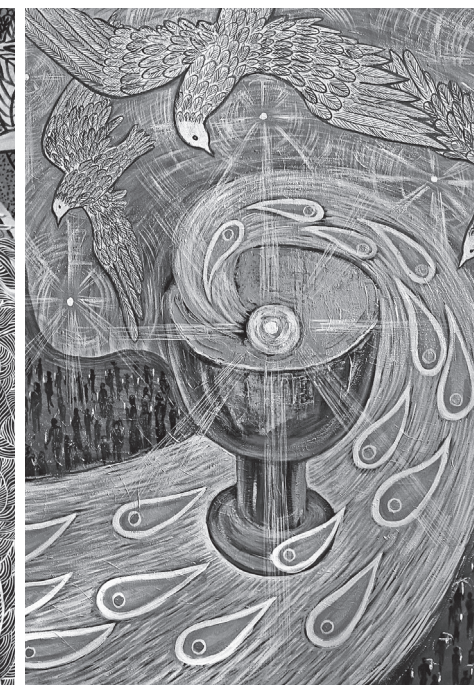


ИЛЛЮСТРАЦИИ



АЛЛА ШЛЯХОВА
(г. Харьков, Украина)

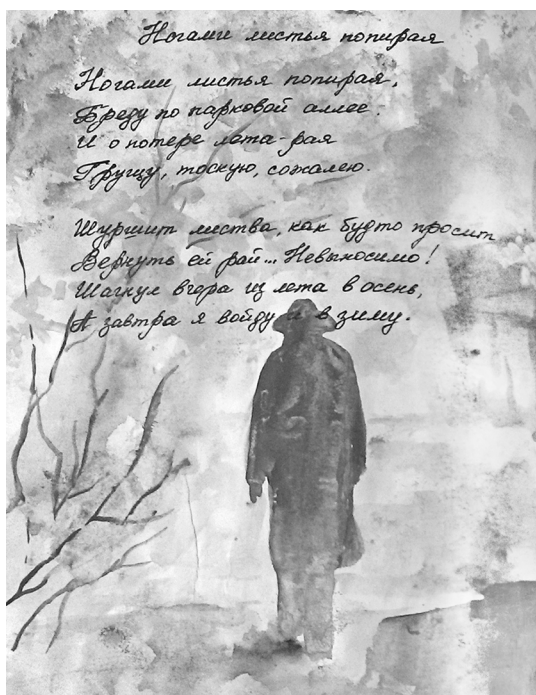
Художник, преподаватель, искусствовед и писатель. Окончила с отличием Харьковскую художественную школу им. И. Е. Репина, Харьковское художественное училище, Харьковский художественно-промышленный институт (ныне Харьковская государственная академия дизайна и искусств). С 1992 года член «Greenpeace» в борьбе за охрану окружающей среды. Лауреат фестиваля «Интеллигентный сезон» 2017 года.





СВЕТЛАНА БАТРАКОВА
(г. Гомель,
Республика Беларусь)

Рисовать начала в 10 лет. Окончила Минский университет культуры и искусства. По образованию графический дизайнер. Любимые темы живописи — лошади, море, мифология. Работает оформителем в библиотеке им. В. И. Ленина. Лауреат фестиваля «Интеллигентный сезон» 2017 года.



РОМАН ДЕРКАЧЁВ
(г. Симферополь,
Республика Крым, Россия)

Родился в 1984 году в Крыму, в г. Саки. Учился в Сакской школе живописи при местном доме пионеров. Состоит в профессиональном союзе художников России. Ежегодно принимает участие в выставках Дома художников Крыма, проводились его персональные выставки в Симферополе, Судаче, Саках и других городах. Лауреат фестиваля «Интеллигентный сезон» 2017 года.





ВИКТОР ЧАБАН
(г. Саки,
Республика Крым,
Россия)

Родился в 1984 году в г. Саки. Окончил Таврический экологический институт, аспирантуру, кандидат геологических наук.

Живописи обучался с 1998 по 2001 год в ЦДЮТ под руководством Н. А. Стенкавенко. Первая персональная выставка состоялась в апреле 2010 года в Сакском музее грязелечения. Позже было ещё три выставки в Саках и Симферополе. Неоднократно оформлял и иллюстрировал художественные книги крымских авторов.

Любимые техники: живопись маслом и 2D компьютерная графика. Работы посвящены крымской природе, а также смелым фантазиям, открывающим перед зрителем мир таинственных существ, древних замков и забытых мифов.

Дипломант фестиваля «Интеллективный сезон» 2017 года.

В Альманахе представлены иллюстрации из книги Елены Семагиной «Страж Гюльдрохайда».



Елена Семагина

СТРАЖ ГЮЛЬДРОХАЙДА

Хоба выглядел как самый обычный тролль, кем он, впрочем, и являлся. Одутловатый живот, гигантские мохнатые ступни, лапы с громадными, почти до земли ладонями, похожая на земляной картофель голова с мелкими глазками и огромным носом... О, этот нос — особая гордость Хобы! Он и двое его старших братьев унаследовали это украшение от матушки. Наверное, таких носов нет больше ни у одних троллей в мире!

Обитал Хоба в скромной лесной пещерке, в которой помещались только пара больших камней да очаг. Ещё в углу валялась охапка травы вперемешку со мхом — самое уютное лежбище, о котором только можно мечтать! Логово находилось в лесу: древние кудлатые ели цепко переплетали лапы и смыкались сплошным сводом — сквозь него едва пробивался лунный свет, образуя вечный туманный сумрак и бодрящую прохладу.

Неподалёку от пещеры сохранился обрывок дороги, который вёл к замшелому каменному мосту. Хоба даже знал название строения — Гюльдрохайд. Давно-давно мост над горной речушкой, ныне полностью пересохшей, поставил его прадед, а потом, как и положено троллям, бережно охранял и не позволял никому пройти без платы. Наверное, тогда в лесу живности было больше — прадед успел собрать немало сокровищ. Сейчас Хоба так же волен взимать плату, вот только ни разу ещё этого не делал: к мосту даже близко никто не подходил.

Как и обычно, поздним вечером, когда губительное солнце убралось за макушки елей, Хоба выбрался из пещеры, постоял с минуту, оглядывая владения, и поплёлся к мосту. Неуклюже вскарабкался на него, откинул за спину длинные космы и придирчиво осмотрел позеленевшие камни и полуразрушенные перила. Мастер был всё-таки прадедушка! Спустя столько лет понятно, что Гюльдрохайд — настоящее произведение троллевского искусства.

Вздыхая и сопя, Хоба спустился и, с минуту подумав, направился в глубь леса. Он отлично видел в темноте и брёл, нагибаясь к земле под тяжёлыми еловыми лапами. Временами в звучной тишине рождались лесные голоса, иногда мимо пробежал неосторожный зверёк, стремясь убраться подальше от тролля. А тот тем временем внезапно остановился, почти незаметно поднял с земли камень и метнул его в густую тьму. Раздался хруст и короткий писк. Заяц. Тролль закинул добычу на

плечо, помедлил немного, размышляя, не вернуться ли сразу в пещеру, но всё же продолжил путь.

Скоро лес заметно поредел. Луна поднялась высоко и уже увереннее освещала синеватую хвою, когда перед троллем возник обрыв. Отсюда открывался вид на далёкие зубцы скал, милые сердцу каждого жителя гор. Край обрыва терялся во мгле, но Хоба знал, что правее есть спуск. Прямо над пропастью росла особо вкусная и душистая трава, которая придавала неповторимый оттенок вкуса любому мясу. Её запас уже подходил к концу, поэтому Хоба нарвал целую охапку, крепко зажал в лапе и поплёлся домой.

Скоро взору открылся Гюльдрогайд, и тролль понуро отправился к мосту, скорее, по привычке, чем на что-то надеясь. Всё было так же, как вечером. И вчера. И год назад. Старинные узоры, серо-зелёные камни и... слабое мерцание прямо посредине!

Бросив тушку зайца и изрядно измочаленную траву, Хоба со скоростью, ему не свойственной, забежал на мост. Впервые Гюльдрогайд не пустовал: на нём сидело крошечное создание с тонким, едва светящимся тельцем, янтарными глазами на бледном личике и слюдяными, безжизненными крылышками. Фея.

Хоба победоносно зарычал, затряс седой гривой и хлопнул ладонями. Существо на мосту вздрогнуло, бросило на него обречённый взгляд и разом обмякло.

Тролль несколько растерялся. Он знал, что вправе брать плату за проход с кого бы то ни было — это древнее правило, которое ещё никто не посмел нарушить. Но вот, наконец, через мост попыталась перейти фея, а Хоба даже не знал, что потребовать. Чем заплатит это создание, если уже лежит в обмороке?

И тогда он решился. Бережно (как ему хотелось думать) взял фею и пошёл к логову. Хоба думал, что если она погибнет, заплатить уж точно не сумеет, поэтому лучше привести неожиданную гостью в чувство. А ещё троллю было любопытно рассмотреть существо поближе: он видел фей только в детстве, когда жил с матерью и другими самками клана, а миниатюрные красавицы залетали временами в просторную пещеру, прячась от дождя. Мама, помнится, прихлопывала их одним движением...

Положив фею на пол, Хоба споро застучал кремнём — и скоро пламя неистово заколотилось в очаге. В свете огненной пляски фея казалась совсем беззащитной и трогательной.

Наконец, она открыла глаза. Щурясь, взглянула на огонь, который для существа её размеров, конечно, казался гигантским. Привстала и тут заметила тролля.

Хоба сидел, обхватив колени, и пристально разглядывал добычу. Похоже, фее пришлось несладко, а крылья явно сломаны. Не удивительно, что она не летала, а плелась по мосту.

— Н-н-не тронь меня, — раздался писклявый голосок, который тролль едва различил.

— Я не хочу тебя трогать, я хочу получить плату. Ты поднялась на Гюльдрогайд...

— Куда?

— Это мой мост — Гюльдрогайд. Кто проходит по нему, платит.

Фея сделала пару шагов и тут же обессиленно опустилась на пол. А затем сказала:

— Я слышала о стражах мостов. Но мне нечем заплатить. Я не собиралась переходить, просто упала...

— У тебя есть имя?

Хоба сам удивился своему вопросу: ну да, имя, конечно, очень поможет!

Неожиданная гостья тоже, кажется, изумилась. Но ответила:

— Флая...

— Ага, Флая... Мне положено взять плату. А что бывает, если путник отказывается, я никогда не думал. Наверное, тебя положено убить. Да, пожалуй, так и надо сделать.

Тролль тяжело вздохнул, подумал, какого дурака сваял, притащив это создание в пещеру, и протянул к фее руку. Та слабо вскрикнула и попыталась отползти. Переломанные крылья мешали, в озарённых огненными бликами глазах метался ужас, ушки, острые кончики которых торчали в гриве спутанных волос, мелко дрожали... Тролль снова вздохнул и убрал руку.

— Пожалуй, я пока не буду тебя убивать. Ты всё-таки первый путник, попавший на Гюльдрогайд. Как ты здесь очутилась?

— Как очутилась? Я долго летела, — Флая заговорила громче, видимо, страх придал ей сил. — Хотела оказаться как можно дальше, но не ожидала, что меня занесёт в этот лес. Меня закружило ветром, и я упала. Теперь не могу лететь.

— Почему так быстро летела?

— Мне пришлось... Я жила со своими сёстрами и братьями далеко отсюда, на чудесной поляне, где множество цветов, дни пропитаны солнцем, ночи короткие и ясные, а по утрам выпадает роса такая вкусная и крепкая, что испив её, мы больше не чувствуем голода. Но в тех землях началась война, и нашу поляну растоптали. Только я и ещё несколько сестёр спаслись.

— Куда летела?

— Не знаю. Надеюсь, мне удастся найти безопасное место, где можно поселиться. Если... если, конечно, ты не убьёшь меня...

Троль зашмыгал огромным носом, не зная, как поступить.

— А как живут феи? — наконец спросил он.

— О, наша жизнь легка и радостна! — глаза Флои засветились. — Каждый рассвет мы встречаем песней, иногда отправляемся в небольшие путешествия, а потом рассказываем, что видели. А ещё мы любим танцевать!

— Танцевать? Наверное, это забавно.

— Хочешь, я станцую тебе? — Флора резво вскочила, словно и не было усталости и страха. — Я станцую, а ты меня отпустишь.

«Что ж, — подумал Хоба, — танца фей я ещё никогда не видел. А убить её я успею и позже».

Троль удобнее устроился, прислонившись горбатой спиной к выступу в стене пещеры, и уставился на Флою.

Фея ещё дрожала. Но, бережно сложив изломанные крылья, вскинула тонкие руки и закружилась, сначала медленно, затем всё быстрее и быстрее. На мгновение она превратилась в размытый золотистый вихрь, потом резко остановилась и стала отбивать замысловатый ритм нежными ножками. В огненных отблесках её изрядно потрёпанное платье медового цвета казалось красноватым, выбившиеся крылья обернулись вокруг хрупкой фигурки. Глядя на них, Хоба впервые подумал, что ей, наверное, очень больно.

Что-то неумолимо изменилось. По стенам дико носились тени, воздух, до того спёртый и тяжёлый, посвежел. Потрескивание костра переплеталось с шелестом, прямо из камней рождались неведомые звуки. Троль зашевелил ушами и прислушался. Так и есть: далёкий колокольчатый смех, удивительные голоса, пронзительная песня... Наверное, это магия фей.

Вдруг что-то случилось. Очарование исчезло, сменившись неясной тревогой. Флора оборвала танец и опустилась на пол, неровно дыша

и беспокойно оглядываясь. Хоба понял, что происходит: братья... Он не видел их уже несколько лет, но именно сегодня им потребовалось явиться!

Камни у стены логова еле заметно дрогнули и прямо из недр скалы появились два тролля с такими же массивными, как у Хобы, носами. Дорен и Зельг.

— Мы пришли навестить тебя, брат, — сказал один из них. — И посмотреть, хорошо ли ты справляешься с обязанностями.

— Как и прежде, Дорен, — проворчал Хоба. — Сам знаешь: много лун к Гюльдрохайду никто не приближался.

Зельг тем временем шумно втянул носом воздух и огляделся. Его взгляд упал на окаменевшую от ужаса Флою.

— А это что ещё?

— Фея, — сдавленно ответил Хоба.

— Фея? — Дорен приблизился к Зельгу и уставился на Флою. — Она прошла по мосту, верно? Ты взял плату?

— Ей нечем заплатить...

— Ух-ррр, — то ли зарычал, то ли засмеялся Зельг. — Хоба впервые встретил путника, а у него нет ни золота, ни камней! Ты слышал это, Дорен?

Старший тролль оскалился и спросил:

— Так почему же ты пропустил её без платы? Почему не убил на месте? Притащил сюда?

Последний вопрос прозвучал особенно грозно. После минутной тишины Дорен снова повернулся к Флоре и лениво поднял увесистый кулак.

— Нет! — Хоба тут же оказался перед феей и прикрыл её ладонью.

Целое мгновение он думал, что сейчас скажет всё: и о том, как остертел ему Гюльдрохайд, и как надоели братья, которые, хорошо хоть редко, врываются в его уютный мирок и топчут грязными ножищами! Но вместо этого произнёс:

— Я сам! И не здесь! Я убью её в лесу!

Сейчас тролль питал всю силу ненависти уже к себе. Он подхватил обмякшую Флою и, протиснувшись между массивными плечами братьев, направился к выходу. Дорен опустил кулак и злобно ухмыльнулся. Зельг захохотал:

— Мы подождём тебя, братец!

Оказавшись на поверхности, Хоба как только мог быстро поспешил в гущу леса. Только бы успеть! Троль чувствовал, как воздух становится разреженным, а с леса медленно спадает чёрный покров.

Ломая ветви, спотыкаясь о корни, Хоба бежал со всех ног. Зажатая в кулаке фея безвольно болталась, временами слабо вскрикивая. Лес поредел и притих: в предрассветные часы замерли звуки, слышался только треск и тяжёлое дыхание тролля.

И вот, наконец, обрыв. На горизонте уже пламенели пурпурные перья восхода, которые быстро растворяли темноту ночного неба. Ещё немного — и рассвет...

Троль отыскал спуск, аккуратно поставил на землю фею и сказал:

— Здесь спускайся. Туда братья не пойдут. Не знаю точно, что внизу, но наших пещер там нет.

Несколько мгновений Флоя изумлённо смотрела на него, затем прыгнула в заросли, скрывавшие тропу. Через секунду раздался её голос:

— Как тебя зовут, троль?

— Хоба.

— Я всегда буду помнить твою доброту, Хоба!

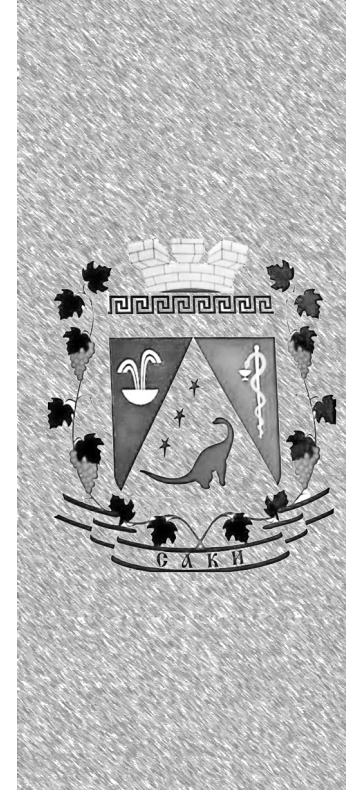
Она исчезла.

Троль, затравлено глянув на небо, поспешил обратно к логову. Утроба скалы скроет, уберёжёт от ненавистных лучей! И уже не важно, что скажут братья, сейчас главное — успеть... А что если солнце всё-таки заденет, например, локоть? Или кончик уха? Окаменеет он целиком или только частично?

Показался мост. Почти не разбирая дороги из-за косм, закрывающих глаза, Хоба приблизился к нему и уже собирался бежать к чёрной пасти пещеры. Но деревья предательски качнулись, раздвинули лапы, и прямо на тролля упал первый солнечный луч. Раздалось неприятное шипение, лязг, какой бывает, когда осколки горных пород скатываются с уступа, — и троль замер каменным изваянием.

В логове Дорен и Зельг долго искали съестное, но так ничего и не нашли. Затем они обсуждали, куда подевался Хоба — ведь, кажется, скоро уже рассвет. Так и не дождавшись брата, они затоптали костёр и, переругиваясь между собой, растворились в камне.

А снаружи остался уродливый истукан — вечный страж Гюльдрохайда.



ЧЛЕНЫ ЖЮРИ КОНКУРСА



ЛОЛА ЗВОНАРЁВА
(г. Москва, Россия)

Председатель жюри. Искусствовед, писатель, кандидат филологических наук, доктор исторических наук, секретарь Союза писателей Москвы, член правления Союза художников Подмосковья, заведующая кафедрой журналистики Института государственного управления, права и инновационных технологий (ИГУПИТ), главный редактор альманаха «Литературные знакомства», академик Российской академии естественных наук и Петровской академии наук и искусств, профессор Института мировых цивилизаций. Награждена почётной медалью Гданьского университета (Польша) и почётным дипломом Министерства культуры Болгарии.



ЖИВОПИСЬ ТАТЬЯНЫ РОДИНОЙ: МЕЖДУ МИФОМ И ТЕАТРОМ

*Душа моя — элизиум теней,
Теней бесплотных, светлых и прекрасных...*
Фёдор Тютчев

Московский художник, лауреат премии правительства РФ Татьяна Родина никогда не забывает: отечественное православие — восточная ветвь христианства, всегда опиравшаяся на греческую (византийскую) художественную традицию. Потому так волнует её загадочная Троя, привлекавшая художницу с детства. В этих давних, с отрочества идущих размышлениях Татьяны Родиной необходимо искать истоки мифологического полотна «Яблоко Эриды»: изначально яблоко раздора всей греческой мифологии принадлежало богине раздора Эриде. На фоне крепости Трои и знаменитого деревянного коня изображена Эрида с яблоком как начальная точка мифа и центральная фигура мифа о Трое. Елена — в греческой национальной одежде. Героини представлены на полотне с большими цветочно-фруктовыми корзинами на головах, символизирующими успех и богатство тогдашней Трои. Контрастны выражения лиц этих двух героинь: довольно-ироничное у Эриды и печальное у Елены.

В картине «Куклы. Легенда о Парисе» заметны поиски новых решений и влияние постмодернистской традиции: герои здесь представлены в виде кукол. Парис, сидя, принимает решение: что вам Гекуба? Троя? Греция? Россия? И всё же самая главная в картине «Куклы» — вечная тема любви. Сердца героев были поражены ещё в Трое. К серии «Куклы» можно отнести и полотно «Карусель», где в чинно движущейся карусели мальчик-клоун пытается пойти против течения. В картине «Даная» — главная героиня изображена в греческом национальном костюме, словно сошедшая с греческой вазы краснофигурного письма. Она спокойно смотрит на золотой дождь. Полотно «Похищение Европы» (1993) (есть уменьшенный вариант этой картины 2006 года) — это и соревнование с известными пловцами, и строительство собственного плота, ведь, как заметил Пикассо, художник — коллекционер, который сам создаёт свою коллекцию.

Мало кому дано это умение вслушиваться в скрытые от всех звуки, когда персонаж замирает на мгновение, за которым — вечность. Такими предстают люди на старых фотографиях. Даже если они не смотрят на нас, они всё равно позируют художнику и нам, зрителям.

Они оторвались на мгновение от обыденных занятий — чаепития (картина «Разговор», 1991) или рассматривания фарфора на полках («Дети в карнавальных костюмах», 1992) — и канули в Вечность. Можно раскладывать пасьянс («Пасьянс», 1992), можно играть в домашнем оркестре («Домашний оркестр», 1992), но перед Вечностью все оказываются одиноки — в предстоянии. Действие на этих полотнах кажется медленно текущим. Фигуры застыли в некоем томительном покое. Героев Родиной отличает особая ренессансная строгость образов. Неслучайно своим любимым художником она называет итальянца Пьеро дела Франческа.

Герои картины «Домашний оркестр» серьёзны, их чувство юмора запрятано глубоко внутрь, уже несколько поколений занимается музыкой и их предок — мраморный бюст — присутствует рядом, да и будущее этой семьи представляется автору в виде небольшой скульптуры. Все действующие лица на этом полотне погружены в музыку, слышат её по-разному. Представить в виде скульптурных объектов и живых людей персонажей одной картины было смелым шагом в 1992 году, когда ещё были в нашей стране сильны традиции реализма. Традиционные сюжеты под кистью художницы обретают интеллектуальную глубину и аристократичность интерпретации.

Внешние приметы реальности в её живописи нередко сведены к минимуму. В картинах порой нет конкретного действия, прямой взаимосвязи фигур, одетых в старинные платья. Их повороты, наклоны голов, словно пойманные в момент остановки зафиксированные движения, ничем внешне не мотивированы, ибо никакого события в сюжете не заключено. Художнице удаётся передать божественное ощущение молчания, во время которого происходит проникновение в мир запредельного. При этом живописный строй картины выстроен ритмически точно и оригинально орнаментирован. Родину интересуют неуловимые смысловые нюансы, что оборачивается недосказанностью и зашифрованностью содержания в её полотнах. Зритель чувствует — души героев художницы настроены на один лад. Окружающий пейзаж включён в систему внутренних связей особого творческого мира, созданного талантом и фантазией автора.

В сюжетах праздников и домашних концертов искусённому глазу увидится скрытая изобразительная цитата, а точнее — почтительный поклон в сторону изысканно нежного и печального жанра *«галантных празднеств»*.

В картинах Татьяны Родиной «Пасьянс» (1991), «Дети в карнавальных костюмах» (1992), «Домашний оркестр» (1995, 2004), «Поцелуй

на траве» (2001), «Перетягивание каната» (1995), где в монументальном храме на заднем плане узнаётся московский храм Воскресения Господня, нередко царят столь характерное для полотен Ватто ускользающее, несколько отстранённое настроение и похожие герои — влюблённые кавалеры и дамы, прогуливающиеся в элегических парках или на открытых верандах неизвестных дворцов. «Поцелуй на траве» (2001) — страстный, целомудренно-эротичный, в каждой мазке которого сквозит живительная энергия искреннего чувства. Напряжённое сочетание алого (платье героини) и ярко-зелёного (травы, на которой расположились герои) придает картине особое, чувственное напряжение. И вспоминаются мудрые слова И. С. Тургенева: *«Первая любовь — та же революция: однообразно-правильный строй сложившейся жизни разбит и разрушен в одно мгновение»*.

На полотне «Перетягивание каната» суевающиеся крохотные люди с их амбициями и неизбежным соперничеством на фоне монументального храма словно демонстрируют контраст между временным и вечным. Сосредоточенные на своих мелких ревнивых забавах, они не замечают спокойную красоту архитектурного ансамбля, утверждающего подлинные, проверенные историей ценности с подкупающим тихим благородством и молчаливой значительностью. Эти полотна завораживают гармоническим спокойствием, лирической проникновенностью, объединяющей пейзаж и фигуры действующих лиц. Композиции строятся по принципу своеобразного эха форм, их ритмической повторяемости: овал рождает отзвук в овале, рифмуются абрисы фигур и силуэты деревьев и домов. По принципу отражения нередко строится цветовая гамма произведения, и его эмоциональное наполнение. У московской художницы парки и фонтаны, скульптуры и фрагменты архитектуры, причудливые костюмы — плод воображения. В её полотнах всё строится на едва уловимых оттенках настроения, всё полно глубокого эмоционального подтекста. Кажется, ещё мгновение и герои художницы — нарядные человечки — исчезнут навсегда.

А мифологические сцены — я имею в виду такие полотна художницы, как «Похищение Европы» (1993), «Пять чувств» (2004), «Утро Гекубы» (2004) или «Яблоко Эриды» (2006), — допускающие широкий спектр толкований, заставляют задуматься о том, насколько мистифицировано существование каждого из нас, вынужденного одновременно играть несколько ролей в перенасыщенном конфликтами обществе.

Авторитетный московский искусствовед В. С. Манин как-то заметил, что подобные полотна, пронизанные теми же самыми потоками

художественного сознания, что составили понятие «Серебряный век», имеют одну объединяющую образно-пластическую особенность — театрализованную игру со своей картинной режиссурой, где постановочность растворяет реальность. Но не будем забывать: мифология изначально отражала нравственные законы человеческого общения. Татьяна Родина ведёт рассказ при помощи внешних атрибутов исторического времени, путём иносказания. Художник предлагает нам своеобразное, глубоко индивидуальное представление о мифологии и истории, организованное пластическими средствами.

Миф о Европе принадлежит к «первомифам». Европа — изначально хтоническое божество. Этот миф связан с крито-микенской культурой, открытие которой произошло в начале XX столетия — эпоху, которую мы условно называем Серебряным веком. В 1910 году своё «Похищение Европы» (картина существует в нескольких вариантах) написал Валентин Серов. Вот как оценивает это полотно московский искусствовед Екатерина Алленова: «"Похищение Европы" — не столько изображение мифа, сколько его отблеск, эмблема всего мира греческого искусства с его «высокой декоративностью, граничащей с пафосом», как говорил Серов в одном из писем. Часто присутствующий в работах художника момент игры с художественными воспоминаниями явлен и здесь: ритмично ныряющие дельфины напоминают, например, фрагмент росписи «Дионис в ладье», выполненной греческим мастером VI века до нашей эры, да и бык напоминает изображения быков на древнегреческих сосудах (быть может, отчасти поэтому Серов первый из художников, изображавших миф о похищении Европы, отступил от первоисточника, рассказывающего о белом быке с золотыми рогами, — коричневый бык напоминает о росписях краснофигурных ваз). Неожиданно живой и осмысленный взгляд быка-Зевса подчёркивает застылость неподвижного лица-лика Европы — маски архической коры, своего рода символа всего греческого искусства. Форсирование уплощённости, эмблематичности рисунка при чрезвычайной интенсивности колорита принадлежит к наиболее своеобразным чертам серовского произведения».

Как и Валентин Серов, Татьяна Родина изображает Зевса коричневым, а не белым быком с тёмно-коричневыми рогами, лишёнными какой-либо позолоты. Взгляд его добродушно-нейтрален, поза Европы неожиданна: распахнутые, словно в танце или для объятий руки (от восторга? Или от отчаяния?) с развевающимися за спиной, будто крылья, серебристыми драпировками. Так же, как в картине Серова, неподвижно её

лицо — маска коры, правда, чуть порозовели губы, рифмующиеся с розовым обручем в каштановых кудрях. Бык-Зевс вальяжно-монументально застыл, улёгся на коричневатом песке. Упругая синева моря с лазурно-зеленоватыми бликами волн обрушивается на зрителя из-за его могучей спины; вдаль, на одном из греческих островов, видим колонны какого-то храма. Рядом с копытами лежащего быка, под ногами Европы в беспорядке разбросаны, очевидно, уже попробованные красавицей фрукты.

Перед нами не стилизация архаического периода искусства Древней Греции, а современное произведение, проникнутое, как и картина Валентина Серова, желанием автора соединить декоративность с интимным настроением.

В цикле «Пять чувств» (2004) Родина сочетает и трансформирует две традиции — изобразительную и литературную. Пять чувств — это зрение, слух, обоняние, вкус и осязание. В последнее время «чувства» показывают в искусстве в весьма упрощённом виде: зрение — глаз, слух — большое, во всё полотно ухо, вкус — губы на холсте размером 1,80 x 1,80 метра. Пять чувств изображены как пять красивых женщин с различными предметами. Интересно, что разные искусствоведы выбирают из этих пяти полотен совершенно разные холсты. Сама художница всем другим полотнам из этого цикла предпочитает «Слух» — красавицу с арфой за спиной: она так слушает музыку, что её слышит и зритель. Предметов у действующих лиц немного, и они различны, но не навязчивы. Оригинально решено и «Осязание» — со скульптурой Зевса, главного героя греческой мифологии. Яблоко в руке героини — всё это вновь возвращает нас к греческой художественной традиции. Зевс закрывает шествие прекрасных дам.

Анализируя работы Татьяны Родиной, вспоминаешь интуитивизм нобелевского лауреата Анри Бергсона, психоанализ Зигмунда Фрейда, герменевтические принципы Дильтея. Линейные и цветовые ритмы звучат мелодично и успокаивающе. Блёклые тона, подобно выцветшему шёлку, создают ощущение старинного ковра. Но самое главное происходит в её полотнах — фантазия, интуиция бессознательно синтезируются в творческий акт, легко допускающий соединение несоединимого, свободные ассоциации. Художница отказывается от иллюзорного изображения и заменяет его упрощённым живописным письмом, сведённым к основным светотеневым и цветовым отношениям. Размышляя над её картинами, вспоминаешь слова Виктора Попкова (Татьяна Родина неслучайно дважды участвовала в выставках-конкурсах, посвящённых его памяти — один раз с циклом работ «Пять чувств»), записанные им в дневнике

в последний год жизни: *«Идти от главного ощущения строгости, торжественности и общего ощущения — тоски. Густая красота»*. Важнейшие составляющие изобразительного мышления Татьяны Родиной — мифологичность и мистичность. Её изобразительная речь обладает высоким слогом, и в этом смысле она не только торжественна, но и классична: лиро-эпическое начало в этих полотнах дополнено монументальным строем.

Владимир Фаворский в одной из лекций, прочитанных в сентябре 1946 года, заметил: *«...искусство художника — это особый метод познания натуры. Если вы знаете натуру, то вам важно её не исправить, а передать её сущность, понять её в её целостности, в отношении вещей друг к другу, предметов, действующих лиц»*. Театрализованные портреты, к которым нередко обращается Татьяна Родина, — это не только застывшее время, но и глубокий анализ духовного состояния и ментальных тайн её персонажей. Недаром замечательный художник-портретист Валентин Серов так описывал процесс работы над очередным портретом: *«Я[...], внимательно взглядевшись в человека, каждый раз увлекаюсь, даже вдохновляюсь, но не самим лицом индивидуума[...], а той характеристикой, которую из него можно сделать на холсте...»*

Первый в творческой биографии художницы групповой портрет был написан во время учёбы автора на IV курсе Строгановки. Другое многофигурное полотно — она назвала его «Разговор» (1990) — запечатлело увлечённую ночную беседу коллег по цеху, поселившихся по соседству в подмосковных Химках в Доме художника — тогда ещё довольно молодых, полных сил живописцев-ровесников Натальи Баженовой, Татьяны Родиной, Виктора Афанасьева (увы, недавно ушедшего из жизни) и Александра Устинова.

Татьяна Родина отдаёт заметное предпочтение жанру автопортрета, обращаясь к нему в разные годы — это «Автопортрет в бумажной шляпе» (1992), «Автопортрет в литовском кокошнике» (1991) — здесь сразу напрашивается сравнение со знаменитым портретом Зинаиды Серебряковой, «Автопортрет в стиле Возрождения» (1996), «Автопортрет с котом» (2007). Первый из этих автопортретов — в литовском кокошнике — тревожит беспокойным сюрреалистическим пространством, в которое помещена женская фигура, написанная погрудно. Гигантская раковина, парящая на заднем фоне, по Фрейду, может означать актуальность эротических желаний изображённой на полотне молодой дамы. Контрастные полосы высокого кокошника и белый шарф, резко пересекающий грудь героини, добавляют нервного напряжения этой картине.

В 1992 году Татьяна Родина пишет жанровое полотно «На даче». Тема картины — дачное чаепитие. Её главной героиней стала задумчивая девушка с косой, в пышном венке из полевых цветов на аккуратненькой головке. Рядом с погрудным изображением сидящей юной девы — типично дачный натюрморт: трогательные чашки с крупным цветочком на округлых боках, уверенно стоящие на блюдцах, керамическая тёмная сахарница, крутобокий самовар, увенчанный белым фарфоровым чайником, штaketник на заднем плане — ещё одна неременная деталь повседневного дачного бытия. Не раз появляется на картинах московской художницы умное и мужественное лицо супруга Игоря Леонидовича.

Анализируя портреты Татьяны Родиной, убеждаешься, что портретный жанр в последнее время сосредоточился на социальном и духовном состоянии человека. Органичное соединение европейских и отечественных традиций, умение, опираясь на достижения искусства прошлых столетий, вести неторопливый диалог с великими живописцами разных времён и народов и при этом неизменно оставаться собой, отстаивая свою творческую индивидуальность, — эта редкая позиция истинно независимого художника помогает Татьяне Родиной занимать достойное место в пёстром мире современного искусства. Размышляя над полотнами московского живописца, понимаешь, что художник последовательно выступает в защиту единого русско-европейского культурного кода, утверждённого в русской культуре ещё Золотым и Серебряным веками отечественного искусства.

Для художника-интеллектуала культурный код — это органичная система идей, образов, сюжетов, общая для миллионов россиян, позволяющая понимать друг друга представителям разных поколений и различных социальных слоёв.

Вернёмся к двум знаковым образам, к которым постоянно обращается в своей живописи Татьяна Родина: таинственно мерцают окна изображаемых ею дворцов и соборов, задумчивы глаза героев её портретов... Искусство Татьяны Родиной, погружённой в мир храмов, цветов, истории, работает на созидание души зрителя и возрождение великих традиций русского искусства. В её лучших полотнах мы ощущаем присутствие того нечастого в современном искусстве качества, о котором в одном из своих писем беспокоился Михаил Нестеров: *«Душа необходима картине не менее формы и цвета. Она и есть тот «максимум» достижений в творчестве, который отмечает присутствие Бога Творца всего живущего»*.

**ВАЛЕРИЙ БАСЫРОВ**

(г. Симферополь,
Республика Крым, Россия)

Член жюри. Поэт, прозаик, переводчик, книгоиздатель. Окончил Литературный институт им. М. Горького СП СССР (1977). Член Союза писателей СССР (1990), Союза переводчиков России. Председатель правления ОО «Союз писателей Республики Крым». Директор Центра современного художественного перевода «Таврида». Президент некоммерческой организации «Фонд “Академия наук и искусств Исматил Гаспринского”». Автор более тридцати книг поэзии, прозы, переводов. Лауреат 18 премий (16 литературных из 5 стран), в том числе международной литературной премии им. Арсения Тарковского «За весомый творческий и благотворительный вклад в развитие русской поэзии Украины» (Украина, 2012), Российской литературной премии им. Александра Грина за значительный вклад в романтику литературы для юношества (Россия, 2014). Победитель II Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна» — «Белый журавль» (Россия, 2012) и международного поэтического конкурса «ilParnaso — AngelolaVecchia» в номинации «Специальная премия имени Расула Гамзатова» (Италия, 2018).

ТОГДА, В ПЯТИДЕСЯТЫХ...

Автобиографическая повесть

1. РАССТРЕЛ

Снег.

Он смягчил в обмороженном пространстве резкие очертания барачков, колючей проволоки, деревьев.

Его уже столько, что невозможно определить направление скольжения снежинок: то ли небо неторопливо затягивает в причудливые сети день, то ли призрачный свет сам расставляет их.

Ветер обессилел и споткнулся о широкие лапы елей, подмятые тяжёлым грузом непогоды.

Рядом с небольшим домом, чертыхаясь, шумят солдаты, отгребая снег от колючей проволоки.

Проволокой опутан лагерь для заключённых.

В доме, где жил обслуживающий персонал лагеря, захлопали двери, послышались голоса. Для его жильцов начинался трудовой день. От стука проснулся и Виталик.

Мать стояла у окна, зябко поёживаясь. На её худеньких плечах висела тонкая шаль, подаренная Виталькиной бабушкой.

— Мама, — тихо позвал он.

— Проснулся, мой маленький, — она опустила на колени перед койкой и прижалась к его щеке. — Сейчас умоешься и будешь кушать.

— На дволе ветел? — спросил, картавя, мальчик, разбрызгивая из таза тёплую воду.

— Нет, уже поутихло. Ох, и снега намело! — радостно воскликнула мать. — Быстренько садись за стол, мне уже пора.

— Ма, можно я потом поем?

— Только смотри мне, — она с притворной строгостью погрозила ему, — гуляй возле дома.

Неожиданно щёлкнул один выстрел, второй, третий... Издалека послышался глухой топот копыт, ржание лошадей.

Мальчик соскользнул с табуретки и бросился к окну.

— Мама, мама... Смотли, — отчаянно закричал он, — их убивают...

— Кого?

— Вон... Вон... — он тыкал пальчиком в стекло, дышал на него, ковырял ногтями изморозь. — Видишь?

Теперь она видела. На отгороженной площадке расстреливали лошадей. Солдаты стояли на вышках и гоняли выстрелами лошадей по кругу.

Она вспомнила приказ начальника лагеря капитана Шергаева, который был отдан накануне командиру взвода лейтенанту Агонову: «Всех активированных лошадей расстрелять. Туши вывезти в лес и зарыть...»

— Мама, мама, зачем их так?

— Это больные лошади, сынок. Понимаешь, больные.

— Ну и что? Они ведь тоже хотят жить... — заливался слезами Виталик, вздрагивая всем телом при каждом выстреле.

Скачущих по кругу лошадей становилось всё меньше и меньше. Чистый снег перемешался с кровью.

А солдаты щёлкали и щёлкали по окровавленным крупам. Лошади хрипели, бросались из стороны в сторону, от проволоки к проволоке и валились навзничь.

Из бараков высыпали заключённые, нахмурившись, наблюдали за расстрелом.

Осталась одна лошадь. Она уже не могла бежать, а лишь медленно брела среди трупов. Малиновая слюна стекала по худой длинной шее и капала под копыта. Пули легко впивались в её тело. После каждого выстрела она мотала головой, шаталась, но брела дальше. Потом у неё подломились передние ноги, и она уткнулась оскаленной мордой в снег.

Выстрелы смолкли.

И тишина, которая сразу заполнила собой всё окружающее, вдруг показалась настолько нелепой, что деревья зашумели, сбрасывая с себя целые горы снега.

Мать вздохнула и наклонилась к сыну:

— Не надо плакать, мой маленький, не надо... Мне тоже их жалко, но что поделаешь...

Она захотела погладить его по голове и уже протянула руку, но ребёнок отпрянул назад, а в глазах, переполненных слезами, дрожала такая боль, что мать не решилась прикоснуться к сыну.

— Что поделаешь... Что поделаешь... — захлёбывался он. — Взлосые всегда так... Сделают что-то нехолошее, а потом говорят, что так получилось. Когда я выласту, я не буду таким...

— Тебе только шесть лет.

— Ничего, я выласту очень быстро.

Он шмыгнул носом и поплёлся в угол, где на полу лежали книжки.

Мать застегнула бушлат, постояла немного, а потом спросила:

— Ну, я пойду?

— Иди, — безразлично ответил мальчик.

Как только мать завернула за угол дома, Виталик сорвал с вешалки шапку, шубку и, натягивая их на ходу, выскочил за дверь.

Сразу за порогом начиналась тайга. Снег ещё нехотя сеялся, но солнце, сжатое со всех сторон облаками, уже освещало верхушки деревьев.

От дома к самому лагерю тянулась тропинка, утопая среди громадных сугробов. По ней катилась маленькая фигурка мальчугана.

— Ты куда? — то ли спрашивая, то ли ругая, воскликнул солдат возле проходной.

Он, наверное, замёрз. Лицо фиолетового цвета было закутано в широкий воротник тулупа. Даже глаза его от холода стали фиолетовыми.

Виталик знал всех, но этот солдат был ему незнаком. Он нерешительно остановился.

— Я кого спрашиваю? — слышалось снова откуда-то из тулупа.

— К маме, — прошептал мальчик, закусив нижнюю губу.

— Я тебе дам «к маме», марш домой.

— Что тут происходит? — около солдата остановился Аносов.

Солдат вытянулся:

— Товариш лейтенант, он на территорию...

— Пропустите. Это Валин сын.

— А я разве что... Я ничего... Пусть себе идёт, — передёрнул плечами, продолжая бурчать. — Валин сын. А кто она такая?

— Рядовой Игнатьев, отставить разговорчики, — оборвал его лейтенант, а потом добавил. — Не спешите. Ещё узнаете. А его, — он кивнул в сторону мальчика, — не смейте обижать. Иди, иди, — подтолкнул легонько Виталика в спину.

За проходной КП Виталик оглянулся: Андрей Иванович Аносов свернул к штабу, а солдат опять спрятал глянцевое посиневшее лицо за воротник тулупа и, притоптывая на месте, казалось, пританцовывал.

2. В БАРАКЕ

В каждом бараке у Виталика были свои знакомые и даже друзья, которые мастерили мальчугану забавные игрушки, рассказывали занимательные истории, сказки. И он любил эти игрушки и сказки. Игрушки всегда были красивые и весёлые, а сказки почему-то грустные, но зато с хорошим концом.

И вот сейчас он остановился в нерешительности: в какой барак идти? Ближе всех был десятый. К нему и свернул Виталик.

— Марфа, твой воспитанник явился, — крикнул кто-то хриплым голосом, как только мальчик прикрыл за собой дверь.

Он поднял голову. На втором ярусе нар сидела молодая женщина, свесив худые ноги в неуклюжих ботинках.

— Чего вытаращился? — захрипела она и заразительно зевнула, показывая два ряда ровных красивых зубов. — Там твоя Марфа, — она неопределённо и вяло махнула рукой куда-то в глубь барака.

— Я тут, Виталик, — к нему, тяжело дыша, спешила грузная женщина. — Приболела я малость, — добавила, будто извиняясь. — А ты чего, бесстыжая, мальчонку-то пугаешь, — укоризненно заметила она женщине в ботинках.

— Да катись ты со своим пацаном... — злобно ругнулась та. И выдавила: — Чистоплюйка.

— Пойдём отсюда, пойдём, — Марфа взяла мальчика за руку.

А вслед неслись ругательства и злобный крик:

— Хорошая стала, лярва... Видали мы таких. Всё равно подохнешь вместе с нами. А на том свете все одинаковые.

— Бог с тобой, Бог с тобой, — набожно крестилась её соседка.

— Заткнись, сука христосовская.

— Я молчу, молчу, молчу... — всё так же крестясь, испуганно бормотала та.

— Я потом плибегу, можно? — спросил Виталик, пятясь к двери.

Марфа погладила его ласково по голове:

— Не обращай внимания. Наташка часто такой бывает. А вообще, она неплохая. Новенькая. Её из другого лагеря к нам перевели. — Она пододвинула табуретку. — Да ты садись, садись.

— А почему у тёти Наташи такие большие ботинки?

— Она нарочно их надела.

— Зачем?

— А чтобы не работать, малолетний дурак, — отозвалась тётя Наташа, — и хорошо жрать.

— Она в ботинки наложила камней. Втиснула туда ноги и крепко зашнуровала. А если посидеть на нарах несколько часов, ноги набрякают и человека направляют в санчасть, — объяснила Марфа.

— Пусть только твой выродок продаст, — тётя Наташа опять выругалась, — попомнишь тогда меня, Марфа.

Дверь громко хлопнула. Кто-то рядом зашикал: «Тише, хозяйка пришла». И несколько человек сразу закричали:

— Привет начальнице...

— Быстро лезь под нары, — зашептала Витальке Марфа. — А то нагорит мне за тебя.

Мальчик забился в уголок под нарами и замер. Сначала он еле различал тихий грудной голос матери среди тесного сплетения орущих глоток заключённых: «Опять было тухлое мясо... Сама пей чай без заварки... Задавила сухой картошкой... Конину давай...» Затем он увидел совсем близко мамины валенки.

— Марфа, — спросила мама, — ты Виталика не видела?

Марфа, видно, передёрнула плечами, потому что мама растерянно удивилась:

— И куда он мог деться? Мне сказали, что он в этом бараке.

Дверь снова хлопнула. Марфа заглянула под нары:

— Вылазь, ушла уже. Посидишь немного и домой, — она наклонилась к мальчику. — Я сделала для тебя пепельницу, из морской раковины. Не веришь? — спросила она, заметив недоверчивый взгляд мальчика. — Вот посмотри, — Марфа бережно достала из-под подушки пепельницу. Погладила её зачем-то, а потом протянула Виталику: — Держи, — и тихо добавила. — На память обо мне...

3. СТОЛКНОВЕНИЕ

Длинный неудобный барак, когда-то приспособленный под штаб, стоял в стороне от прочих сооружений на небольшом пятачке лагеря, отделённом от него двумя рядами колючей проволоки с узким проходом, который всегда охранялся часовыми, а ночью — ещё и собаками, хотя в этом не было никакой надобности. Побег был практически невозможен.

Офицеры, служившие тут не один год, рассказывали, что за всё время лишь несколько человек пытались покинуть пределы лагеря. Но тщетно. Некоторых находили замёрзшими в тайге, а другие возвращались сами в изорванной одежде, с исцарапанными и измороженными лицами.

На сотни километров вокруг властвовали тайга и болота. Узкой лентой змеилась лежнёвка¹ в Россию. По этой дороге привозились продукты, а иногда и почта. По этой дороге поступало новое пополнение в лагерь из числа воров, жуликов, взяточников, стяжателей, растратчиков и прочих нездоровых элементов, как их ещё иногда называют. Начало этой дороги служило благословением заключённым, отбывшим свой срок и возвращавшимся по ней к человеческой жизни. А многие, прибывшие в лагерь по этой дороге, так больше никогда на неё и не ступили...

Виталик тоже приехал сюда по этой дороге. Но когда — никак не мог вспомнить. Иногда ему казалось, что он и родился тут, в лагере, за колючей проволокой. Эта дорога его тоже манила и звала за собой. Он давно уже отвык от живых детских голосов. Дети ему только снились. Однажды, сидя у мамы в кабинете, он услышал, как за дощатой стеной Сергей Шалвович Шергаев с кем-то разговаривал по телефону. «Что же прикажете мне делать, — басил Сергей Шалвович, — уволить её? Рапорт за рапортом подаёт. Сынишке-то в школу пора...» Потом он замолчал и только изредка односложно соглашался: «Да, да, да...» А в конце разговора грустно вздохнул: «Ну что ж, придётся переводить».

«Это про нас, — обрадовался Виталик. — Мы уедем отсюда. Да, мама?» — спросил он.

«Станет работы поменьше, уедем», — сказала она.

Но шли дни, месяцы... Они не уезжали, и работы не уменьшалось. Мать приходила домой поздним вечером усталая, издёрганная. А по ночам плакала. Утром уходила в лагерь с мешками под глазами. Когда это случалось, Сергей Шалвович вызывал её в кабинет. «Так, так, — начинал он сердито, расхаживая из угла в угол, — гм... Так, так... Ну что мне с тобой делать? Значит так: сейчас иди домой, успокойся. А потом придёшь. Завтра мы что-нибудь придумаем».

¹ Лежнёвка — сбитые и уложенные на вязкий грунт брёвна, предназначенные для проезда транспорта.

И мать уходила. А завтра повторялось всё сначала. Офицеры между собой по этому поводу зубоскалили: «Что-то тут нечисто». Постепенно слухи просочились к заключённым и на долгое время стали темой их разговоров: «Неужто это правда?» — удивлялись одни. «Не может быть», — возражали другие. Третьи сомневались: «Валя совсем ещё молодая... Да и зачем ей плешистый хахаль? Собака после гонимости и то краше». Но все они пришли к единодушному мнению, что как бы там ни было, а Валю отпускать нельзя. Пусть себе живёт с «плешистым». Школы нет — тоже не беда. Можно открыть. За учителями задержки не будет (среди заключённых была кандидат исторических наук). Её и избрали директором «школы».

Узнав об этой затее, Сергей Шалвович сначала нахмурился, а потом улыбнулся и махнул рукой: «А что? Годится! — скуластое лицо его засветилось радостью. — Отведём какую-то часть барака, и пусть себе учится на здоровье». Но когда он поделился своей радостью с оперуполномоченным Павлом Игнатьевичем Агоновым, тот рассудил иначе: «Во-первых, товарищ капитан, этого делать нельзя. Наступил самый ответственный период. После смерти Сталина мы должны мобилизоваться, никаких послаблений. А во-вторых... Посудите сами. Чему может эта шваль научить ребёнка? Но я волнуюсь сейчас даже не об этом. Допустим, он будет тут учиться, жить... А не получится ли так, что мы вырастим преступника?»

Сергей Шалвович рассердился: «На этот раз, дорогой Павел Игнатьевич, вы хватили через край».

Когда он злился, его лицо желтело, а лысый череп покрывался каплями пота и постепенно заливался краской. Волосатые мясистые пальцы судорожно начинали выбивать прерывистую дробь. В таких случаях присутствующие, зная крутой нрав начальника, старались немедленно покинуть кабинет. Но Павел Игнатьевич и не думал уходить. Он не спеша вынул из кармана пачку «Беломора», размял папиросу и затянулся.

— Я давно хотел с вами поговорить, — сказал он, — как коммунист с коммунистом. Всякие разговоры ходят по лагерю. Ладно, уж, если бы только между нами — заключённые смеются.

— Я вас не понимаю, — резко ответил Сергей Шалвович. — В конце концов, это моё личное дело...

— Ваше? Ошибаетесь. Начальник лагеря путается со своей подчинённой, надзирательницей...

— Прекратите! — закричал не своим голосом Сергей Шалвович, брызжа слюной. — Сейчас же прекратите! — выкрикнул он ещё раз и боком опустился на стул.

— А зачем же нервничать, — спокойно возразил Агонов. — Свичарская молодая, одинокая. Недурна собой. Можно даже сказать красивая. Но нельзя же втоптывать женщину в грязь. Или вы думаете, что вам всё позволено? И к тому же вы ей в отцы годитесь.

Шергаев достал из стола несколько таблеток, проглотил и устало прикрыл глаза. Его грузная фигура ссутулилась, отчего он приобрёл поразительное сходство с кулём муки. Павел Игнатьевич что-то ещё говорил, но странное дело: Шергаев не слышал его слов. Он только отметил про себя, что у лейтенанта красивые губы. Для мужчины, пожалуй, слишком красивые. Они как-то нехотя и причудливо изгибались, когда их владелец выплёвывал новую порцию беспочвенных обвинений, которых он, старый человек, боялся. И боялся совсем не потому, что они задевали его самолюбие, нет. Просто он тревожился за судьбу женщины, которую (так он думал), не будь его рядом, обидит ни за что каждый. И в первую очередь этот слюняй, неведавший и незнавший о жизни ничего, кроме инструкций и предписаний из управления. «И выговоров у него будет поменьше, чем у меня, — подумалось ещё Шергаеву, — когда займёт моё место». Он вспомнил, как в первый раз увидел Валентину.

Его вызвали в управление. После совещания полковник Харькин его оставил:

— Небольшой сюрприз, Сергей Шалвович, — объяснил он. — Лагерь у вас женский. А женщине с женщиной легче воевать, как вы думаете?

Капитан Шергаев растерянно развёл руками:

— Не знаю, товарищ полковник.

— А я знаю, — рассмеялся тот. — Так вот, несколько женщин-надзирательниц у вас уже есть. Направляем к вам старшей надзирательницей ещё одну. Сейчас представлю.

Через несколько минут в кабинет постучали, и на пороге появилась девушка:

— Вы меня вызывали? — обратилась она к полковнику.

— Да, да, проходите, — ответил он. — Вот, познакомьтесь, Сергей Шалвович, — Валентина Антоновна Свичарская.

Шергаев машинально протянул руку и ощутил тепло маленькой ладони.

Шергаев посадил Валентину Антоновну с сынишкой в кабину «полуторки», а сам устроился в кузове на двух громадных чемоданах новой подчинённой. Всю дорогу и уже потом, в лагере, когда он определил Свичарскую в одну из пустующих комнат дома, Сергей Шалвович пытался представить себе эту совсем ещё молодую женщину среди орущих заключённых. И не мог. Ему казалось, что она не выдержит изо дня в день находиться в мерзком и низком окружении. Предупредив всех заключённых о появлении нового человека в лагере, Шергаев предпринял все меры предосторожности. Но странное дело, люди, которые не подчинялись окрикам солдат и офицеров, слушали Валентину беспрекословно, хотя она никогда не повышала голоса. И всё-таки Шергаев боялся за неё.

И не эта ли, возможно, излишняя опека с его стороны и породила за его спиной сплетни. Он признавал свою вину лишь в том, что не хотел отпускать Валентину. Но на это были свои причины. Он боялся, что с её отъездом заключённые снова выйдут из повиновения. А ещё эта женщина очень напоминала ему Валю. Его Валю, которая умерла в сорок первом у него на руках...

Агонов встал, одёрнул гимнастёрку и сухо проговорил:

— Я буду звонить в управление.

Сергей Шалвович остался без движения, только вяло махнул рукой.

4. РАКОВИНА

— Где ты был? — бросилась мать к сыну, когда он зашёл к ней в штаб. — Я уже обыскалась...

Виталик опустил голову. Носком валенка елозил по полу и молчал. Мать покачала головой:

— Опять в бараке, — огорчилась она, заметив в руках пепельницу. — Ну и нагорит мне когда-то за тебя...

Она пододвинула табуретку к печке...

— Горюшко ты моё, раздевайся и садись сюда, погрейся. Не руки, а ледышки, — сказала она, помогая Виталику снять шубку.

Рассматривая пепельницу, она удивилась:

— Какая тонкая работа. Это же натуральная раковина! Как она попала в лагерь? Кто тебе её дал?

— Малфа.

— Марфа? Неужели из Одессы привезла? Как же она уберегла раковину при обыске? Посиди тут, — она быстро вышла с пепельницей из кабинета.

Капитана Шергаева у себя не было, и она зашла к оперуполномоченному. Лейтенант Агонов сидел за столом и просматривал личные дела заключённых, готовясь к амнистии.

— Свичарская? — Агонов приподнялся из-за стола. — Проходите, садитесь, — он пододвинул ей стул. — Я вас слушаю.

— Товарищ лейтенант, понимаете, мне показалось странным... — волнуясь, начала разговор Валя.

— Что именно? — перебил её Агонов, в упор рассматривая женщину и отмечая про себя, что она действительно привлекательна, и что его начальник не дурак. Он поймал себя на том, что даже завидует ему. Больше того: не отказался бы побыть на его месте. А как она прекрасна, когда волнуется! Еле заметная бледность ровно проступает на лице. А глаза постепенно темнеют, темнеют...

— Да, да, я вас слушаю, — спохватился он, заметив недоумённый взгляд женщины.

— Вот, — она поставила на стол пепельницу.

— Красивая. Откуда она у вас? — заинтересовался Павел Игнатьевич.

— Сын принёс... Марфа ему подарила... — начала сбивчиво объяснять Валя. — Я боюсь, как бы она с собой чего ни сделала.

— Почему?

— Ведь Марфа из Одессы. Её там судили, понимаете? И эту раковину она наверняка привезла с собой. Четыре года прятала в бараке, а теперь вдруг отдала...

— Ну и что?

— Человек никогда добровольно не расстанется с вещью, которая ему хоть чем-то напоминает родные места, близких...

— Успокойтесь, — улыбнулся Агонов. — Ваша Марфа не такая сентиментальная, как вы. Ей плевать... — он махнул рукой. — А пепельницу отдайте сыну, пусть играет. Забавная безделушка, — сказал он, возвращая раковину.

— Можно идти?

Агонов кивнул головой и сразу спохватился:

— Хотя подождите... Я вот о чём давно хотел у вас спросить. Вы вправду собираетесь уволиться?

— Да, — тихо ответила Валя.

— А почему? У вас ведь есть работа, хороший оклад, паёк...

— У меня же сын растёт. Ему учиться надо... Товарищ капитан вот не хочет отпускать...

— А вы уезжайте вместе с ним, — подсказал Агонов.

— Как это «вместе с ним»? — не поняла Валя.

— Скоро Сергею Шалвовичу на пенсию. Вашему сыну нужен отец, а вам муж...

— Да вы что? — возмутилась женщина. Щеки её стали пунцовыми, даже уши порозовели.

— Ну, извините, Свичарская, — ухмыльнулся Агонов, — если я вас обидел. Это я так, пошутил.

Он смотрел, как она торопливо уходила. Тонкая её фигурка легко выскользнула из кабинета. «Хороша», — не без восхищения ещё раз отметил про себя Павел Игнатьевич.

5. ВОЛКИ

Их было много. Они и раньше изредка появлялись возле дома и проволоки, дразня сторожевых псов, которые приходили в неописуемую ярость: длинная и густая шерсть на загривках приподнималась и выдавала нервную дрожь собак. Они бросались на проволоку и захлёбывались неистовым, переходящим в хрипение лаем. Волки их не боялись. Волки не обращали на собак внимания: они были заняты более важным делом — искали пищу. Они опасались лишь сторожевых вышек, откуда солдаты открывали беспорядочную пальбу, иногда удачную. Так было и на этот раз.

Стая цепочкой шла за своим вожаком по пятнам крови, которые остались после расстрела лошадей. Возле дома они разделились на две группы. Большая прижалась к стене, а вторая, с вожаком, припала к снегу и медленно двинулась дальше.

Лучи прожекторов выели кусок ночи возле наружного ряда проволоки. Темнотой, которая властвовала вне лагеря, пользовались волки, но всегда безрезультатно. Лишней еды в лагере не было. На этот раз внимание зверей привлекли громадные бочки. Выставленную бочкотару давно собирались отправить из лагеря. Ждали транспорт. Когда-то эти бочки были наполнены до краёв сельдью, теперь они только сохраняли запах.

Собаки учуяли волков, злобно время от времени рычали. Вожак резко оттолкнулся от слежавшегося снега. Его тощее тело, оторвавшись от земли, почти сразу завершило полёт и исчезло в бочке. Ещё несколько теней метнулось к бочкам. И в это же время раздались выстрелы, покрывающая захлёбывающийся лай собак.

Виталик не спал. Он укутался в одеяло до самого подбородка и смотрел в окно. Выстрелы слышались со всех сторон, но ничего не было видно, по крайней мере, из окна.

Неожиданно к стеклу прижалось чьё-то лицо. Виталик присмотрелся и вздрогнул: громадный волк заглядывал в комнату. Потом он как-то странно помахал перед собой лапой и вдруг со всего размаха ударил по стеклу наружной рамы. Мелкие кусочки посыпались на снег. Волк исчез...

Мальчик осторожно, чтобы не разбудить маму, сполз на пол. Возле печки нащупал кочергу, подошёл к окну. Выстрелы прекратились, и собаки замолчали, опять воцарилась тишина.

Утром Виталик никак не мог проснуться. Он явственно слышал шаги мамы, запах варёной картошки, знал, что уже не спит, но открыть глаза никак не мог. Тут он вспомнил про ночного гостя и сразу вскочил.

Мать рассмеялась и дала ему зеркало:

— Посмотри, на кого ты похож...

Только сейчас Виталик заметил, что до сих пор сжимает в руках кочергу, которую обнимал целую ночь. Руки, лицо, ноги были в саже. Чёрные полосы остались и на постели.

— Я сегодня крепко спала, — сказала она, — ничего не слышала. А ты даже воевал...

Она подошла к сыну и забрала у него кочергу.

— Много было волков?

— Я видел только одного, большого-большого.

— Который нам окно разбил?

— Ага.

Мальчик уже плескался в тазу, размазывая руками сажу.

...Убить удалось четырёх волков. Трёх вытащили прямо из бочек, а последнего нашли ещё живого далеко от лагеря. Когда солдаты направились к нему, попытался встать. Но лапы уже не слушались, подгибались. И всё-таки он встал, сумел даже чуточку проковылять в сторону людей, а потом упал.

— Готов, — сказал один из солдат, ударив несколько раз сапогом по рёбрам зверя, и протянул: — Ну и худющий.

Волков свалили в яму и забросали снегом. А через четверть часа о ночном происшествии и не вспоминали: из бараков выходили заключённые и выстраивались возле проходной. Конвой, разбив их на бригады, уводил работать на лесоповал.

— Все? — спросил капитан Шергаев у надзирательницы Софии Кротовой, когда последняя бригада покинула лагерь.

— Да, товарищ капитан. Все, кроме Гурьевой из десятого.

— А что с ней?

— Опять что-то с ногами. Отправили в санчасть.

— Проверим бараки, и сможете отдохнуть, — сказал Сергей Шалвович.

Нары в десятом бараке были аккуратно застелены. Позднее утро, скупое на свет, казалось, не хотело или боялось заглянуть в узкие окна. Полумрак прятался по углам и не собирался убираться оттуда. Спёртый и кислый воздух затруднял дыхание.

— Сколько раз я требовал проветривать помещения, — недовольно произнёс Сергей Шалвович. — Тут задохнуться можно...

— Ой! — неожиданно вскрикнула Соня. — Товарищ капитан, — испуганно позвала она, — смотрите.

Лицом вниз на нарах лежала женщина, наполовину укрытая одеялом. Руки по локти были прижаты животом, одна нога свесилась с нар.

Шергаев отбросил в сторону одеяло и окаменел: на простыне засохли потёки крови.

— Помогите, — шёпотом попросил он Соню.

Они вдвоём осторожно перевернули женщину на спину. Капитан быстро взял холодную руку заключённой, но пульс не прослушивался, сердце уже не билось.

— Быстро в санчасть, — приказал Кротовой. — Хотя не надо. Поздно, — передумал Шергаев.

Он нагнулся и поднял с пола кусочки тонкого стекла с запёкшейся кровью: «Откуда оно?» Запрокинул голову. Под потолком разбитая лампочка.

Кротова, не понимая, куда смотрит начальник, тоже посмотрела вверх.

— Она разбила лампочку и стеклом порезала вены, — Сергей Шалвович поморщился и направился к выходу. — Распорядитесь, чтобы её убрали отсюда.

Сергей Шалвович не на шутку встревожился. В подведомственном ему лагере самоубийств ещё не было, за что его изредка ставили в пример начальникам других лагерей. Умирать умирали, но самоубийств не было. Правда, случалось иногда, что заключённые пытались порезаться или причинить себе ещё какие-нибудь увечья, но это делалось из других побуждений: человек получал несколько дней отдыха.

Просматривая личное дело Марфы Алексеевны Николаевой, бывшего главного бухгалтера строительного треста, капитан почти не обращал внимания на дорогие анкетные данные. Они его не интересовали. О жизни этой женщины он знал намного больше из других источников.

Не так давно, года три назад, в лагере появилась мать заключённой, совсем дряхлая старушка. Она не плакала, как это делали приезжие родственники, и ни о чём не просила. Просто положила на стол целую стопку грамот, характеристик, каких-то справок. Когда он спросил, зачем ему эти бумаги, она, стыдясь своей нескромности, сказала: «А ты, сынок, не сердчай... В этих бумажках-то вся жизнь моей Марфеньки. Что ни год, то давали... И на тебе — вор...»

Он и не сердился. Он даже разрешил свидание с дочерью и помог потом старухе добраться до ближайшей станции. А грамоты, действительно, вручались Николаевой часто. Но был и суд за растрату...

Когда он заинтересовался делом Николаевой, его неожиданно предупредили: «Начальник лагеря — не адвокат. Занимайтесь своей работой». Позже Шергаев узнал, что в растрате был повинен управляющий трестом и что его тоже судили.

Сергей Шалвович отложил дело в сторону, подошёл к окну. Тяжело вздохнул: «Старею. Нервы что-то пошаливают. Неужели своё отработал?»

В кабинет заглянула София Кротова:

— Товарищ капитан, Николаеву забрали.

— А постель?

— Уже сменили.

Он кивнул головой.

— Хорошо. Агонова ко мне.

София исчезла. И сразу же появился лейтенант Агонов. «Все собрались», — удовлетворённо отметил Шергаев про себя, а вслух произнёс:

— Андрей Иванович, займитесь похоронами. Николаева в холодной.

Агонов ожидал приказаний, но их не было. Шергаев отвернулся к окну и глухо обронил:

— Похороните как следует...

Агонов вышел. Его уже ждали лейтенант Аносов и старшина Якунин:

— Ну как он?

— Как, как?.. Ясное дело, переживает...

Дверь тихо отворилась. На пороге стоял Сергей Шалвович:

— Заходите.

6. РАЗБОР

Свичарская чёркала красным карандашом по листу бумаги и молчала. Кротова стояла, низко опустив голову. Ещё четверо надзирательниц сидели чуть в стороне.

— Товарищ сержант, — оправдывалась Соня, надув и без того полные губы, — я несколько раз проверяла бараки... Всё было тихо... Я бы никогда не подумала на Николаеву...

— Она так хотела вернуться на волю, — грустно вставила молчаливая Оксана Пыталева или, как её называли между собой заключённые, тётушка Оксана.

— Да, хотела... — покачала головой Свичарская. — Выговор, Кротова, вы уже себе заработали. Слово теперь за начальником.

— Может уволить? — испугалась Соня.

— К сожалению, может.

Настойчиво зазвонил телефон. Свичарская взяла трубку.

— Да, да, я. Да... да... Есть. — Послышались гудки. — Ну, вот. К себе требует, — она развела руками. — Так, товарищи, можете быть свободными. Все, кроме Кротовой.

— И меня вызывает? — вздрогнула Соня.

— Да.

Шергаев стоял возле шкафа и пытался поставить книгу на верхнюю полку, но никак не мог до неё дотянуться. Он пыхтел. Даже приподнимался на носках, но ему мешал живот. Свичарская и Кротова в нерешительности остановились. Валентина Антоновна громко кашлянула. Шергаев растерялся, неожиданно покраснел и выпустил книгу из рук. Потом нагнулся, поднял и положил на стол.

— Заходите, заходите... Почему я вас вызвал, надеюсь, знаете, — рокотал Сергей Шалвович, поудобнее усаживаясь. — Дело не столько

в самоубийстве, сколько в вашей халатности. Не я ли вас спрашивал, — обратился он к Кротовой, — все ли бригады отправились на работы? Что вы мне ответили?

Кротова перебирала пальчиками складки гимнастёрки и молчала.

— Вы даже не заметили исчезновения Николаевой. В итоге просмотрели человека. А кто будет бороться за человека, как не мы с вами?

— Товарищ капитан, я...

— Что я? — закричал Шергаев. — Нет «чепэ» — можно ничего не делать... Не позволю! Не можете работать — давайте рапорт. Я давно это вам предлагал.

Его голос задрожал на высокой ноте и сорвался. Шергаев схватился за грудь и затрясся от кашля. Свичарская налила в стакан воды и подала Сергею Шалвовичу.

— Спасибо, — прохрипел он.

Соня плакала. Тихо, почти беззвучно. Увольнение испугало её. В свои тридцать лет Кротова была тем великовозрастным ребёнком, который нуждался в постоянной защите и которого одолевал панический страх перед неизвестностью. Этот страх родился давно, в один из звёздных рассветов детства, когда бандиты вырезали половину села. Выплакавшись над растерзанными телами матери и отца, Соня навсегда покинула родные места. Страх гнал её в глубь страны. Выросшая в детском доме, она осталась в нём воспитательницей. А в начале войны вместе с детьми эвакуировалась на Урал. Возможно, она так и работала бы воспитательницей, если бы не Николай. Тихая и скромная девушка приглянулась путевому обходчику. А она, в благодарность за внимание, из сочувствия к юноше, израненному на фронте, согласилась стать его женой. Но непродолжительным оказалось счастье. Ровно через год, спасая из-под колёс поезда ребёнка, Николай погиб сам. После похорон мужа Соня не могла больше оставаться в этом городе. Нехватка надзирательниц в лагерях для женщин и решила дальнейшую судьбу Кротовой. Так она оказалась на Севере.

Соня плакала. Громко, навзрыд. И совсем по-детски. Сергей Шалвович всё ещё тяжело дышал, прижавшись к спинке стула. Свичарская внимательно рассматривала муху, которая невеста откуда появилась среди зимы и сонная ползала по полу.

Шергаев вытащил из кармана носовой платок и промокнул на лбу крупные капли пота.

Он поднялся из-за стола. Брезгливо попросил:

— Перестаньте реветь, что ли...

А для себя пробурчал: «Чёрт знает что. Детский сад собрался». Видя, что Кротова ожидает каких-то определённых слов, он объявил ей выговор и пригрозил:

— Малейшее нарушение замечу, выгону.

Ошалевшая от радости, Соня согласно кивала головой и пятилась к двери. Шергаев смотрел ей вслед, и как только Кротова исчезла, удивился:

— Как всё-таки мало человеку надо для счастья! Всего пара успокаивающих слов. А сколько ещё будет горьких минут в жизни этой самой Кротовой!.. И может сломаться. Люди такого склада рады каждому доброму слову. Обидно только, что эти слова мы стесняемся произносить громко... Стараемся обойтись без них.

Валентина Антоновна никогда ещё не видела своего начальника таким взволнованным. Возбуждение молодило его, делало привлекательнее. Сергей Шалвович открылся ей с незнакомой стороны.

— Товарищ капитан, я могу быть свободна? — осторожно спросила Свичарская, когда Шергаев замолчал.

Он её не слышал.

— Не так мы работаем, Валя, — Сергей Шалвович вздохнул. — Не так. Ты знаешь, что мне час назад заявил Агонов? «Может, памятник Николаевой поставить?» Даже страшно, что такие люди распоряжаются чужими судьбами...

— Вам надо отдохнуть, товарищ капитан.

— Да, наверное, уже пора. Как твой малец?

— Ничего. Спасибо.

— Сейчас трудно отсюда выбраться. До весны подождёшь?

— А у меня и отпуск весной...

— Оставь в покое свой отпуск. Я имею в виду — совсем.

— Как совсем?

— А вот так. Чьи это рапорты? — Шергаев положил на стол несколько листочков бумаги. — Не мои же... Молчи, молчи, — усмехнулся капитан, понимая, что разволновавшаяся женщина хочет что-то сказать. — Куда поедешь, если не секрет?

— Домой, к маме.

— Значит, на Украину, — уточнил Шергаев и мечтательно добавил. — Сады цветущие весной...

7. ОТЪЕЗД

Пришла весна. Снег засосало болото. Весна постепенно растворилась в ежедневных заботах и тревогах. Жизнь в лагере шла своим чередом: то размеренная и тихая, то насыщенная всевозможными выходками заключённых. Отсидев несколько суток в карцере, потолок которого даже летом не покидала изморозь, дебоширы успокаивались. Но ненадолго. О Николаевой почти не вспоминали. Да в этом и не было никакой необходимости. С одной стороны, её робкая, скрытная натура удивляла и даже интриговала окружающих при жизни, а с другой — Николаеву забыли через несколько недель после похорон ещё нескольких самоубийц, уставших ждать амнистию. Лишь изредка кто-то из конвоя, везя на кладбище очередной труп, зло шутил: «Удачной оказалась Марфа на почин».

Ещё вспоминала Николаеву Валентина Антоновна. Но она мало думала о самой женщине, больше о её смерти — предчувствуя исход, она ничего не смогла сделать, чтобы предупредить его. И винила себя в этом.

Чаще матери, пожалуй, вспоминал Марфу Виталик. Первое время после её смерти мальчик долго плакал. А потом успокоился, часами сидел молча и смотрел на раковину. Он даже перестал ходить в зону. Свичарская заметила, что сын изменился. Стал угрюмым и замкнутым. И отнесла это за счёт проявления особых черт характера ребёнка.

В один из солнечных дней к лагерю, по лежнёвке, прибыла машина из управления. Шофёр вынес из кабины на руках старую женщину и поставил её на сухое место. Заглушив мотор, он пошёл в штаб, а женщина присела на крылечке.

Капитан Шергаев собирался уходить на пенсию, и поэтому лежал в госпитале на обследовании. Его замещал Агонов. Уверенный в том, что начальник больше не появится в своей прежней должности, Павел Игнатьевич расположился в его кабинете и переставил мебель по своему вкусу.

Когда раздался стук в дверь, он, чувствуя себя ещё неуютно в новом кабинете, хотел было крикнуть: «Войдите!» — но передумал. Через окно он увидел машину. Поспешил навстречу.

Вошёл шофёр.

— Ну и дорога к вам, — сразу начал жаловаться, здороваясь на ходу.

Агонов с готовностью пожал руку шофёра. «Может, этот неу-

клюжий сержант привёз рапорт о назначении» — тешил себя надеждой Павел Игнатьевич.

— На восьмом километре брёвна прогнили. Завтра их будут менять. А так, по-моему, лежнёвка в порядке, — оправдывался Агонов, пододвигая стул сержанту.

— Звонили к вам, звонили. А всё бестолку.

— Половодье... Несколько столбов в трясину ушло. Завтра новые поставим.

— Послали приказ вам вручить, — сержант вынул из нагрудного кармана вчетверо сложенную бумажку и отдал Агонову. — А на словах просили передать, чтобы Свичарская не задерживалась. Завтра утром отходит поезд. А в управлении ей надо ещё забрать документы.

«При чём тут Свичарская?» — недоумевал Агонов.

Но когда Павел Игнатьевич прочитал приказ, он понял всё. Увольнялась Свичарская, а о нём и не упоминалось. Он посмотрел даже на обратную сторону приказа. Бумага была чистая.

— Сколько понадобится времени Свичарской, чтобы сдать дела? Я должен забрать её.

«О чём он? — Агонов, не понимая, посмотрел на сержанта. — Толстогубый баран... Свичарская... Свичарская...» Он чуть было не закричал от злости, но сдержал себя.

— Чёрт её знает, — грубо ответил Агонов. — Она в кабинете. Договаривайтесь сами.

— Я тут старуху одну привёз, — сказал сержант, собираясь уходить. — Дочь у неё здесь заключённая... Хочет повидаться с ней.

— Кто тут начальник? — взорвался Агонов. — Я или кто? Свидания запрещены. Забирайте её отсюда, и чтобы духу не было...

Валентина Антоновна сдала дела Кротовой. Угостив шофёра и старуху украинским борщом, принялась укладывать вещи. Старуха, поблагодарив Свичарскую за гостеприимство, начала жаловаться:

— Юра говорит, что ваш главный не разрешает с дочкой повидаться... а мне обещали...

— А к кому вы приехали, бабушка, — поинтересовалась Валя.

— К доченьке своей...

— Как её звать?

— Марфенькой звать её, деточка, Марфенькой... Николаевой...

Валя вздрогнула и выпустила из рук вазу. Она ударилась о край стола, раскололась на две части и, соскользнув на пол, рассыпалась на мелкие осколки.

— Что же ты так неосторожно, — пожурела старуха Валю. — Такую дорогую вещь разбила.

Валя проглотила застрявший в горле комок:

— Нет её тут, бабушка.

— Неужто перевели куда?

— Да, перевели.

— А далече?

— Далеко...

— Вот ведь какие люди разные на свете, — она повернулась к шофёру. — В прошлый-то раз сам начальник со мной беседу имел. И к поезду доставил. А почему так? — рассуждала старуха. — Всё дело от ума. Ум с годами приходит. А этот? Господи, зелёный совсем, а уж важничает... Я в стекло глядела, как он пыжится... Ну всё одно что птенец воробушкин.

Когда загрузили вещами машину, старуха начала слёзно просить Свичарскую:

— Умирать буду скоро. Так ты мне, доченька, скажи, как найти Марфеньку?

Валя молчала. Она не знала, что ответить женщине. Только крепко прижимала к себе сына, глаза которого потускнели и, не мигая, смотрели вдаль. Она еле сдерживала слёзы.

— Вы не волнуйтесь, бабушка. Поезжайте домой. Скоро дочку освободят... Будете вместе...

— Ох, чует моё серденько, не увижу я её больше, — переживала уже в кабине старуха.

Свичарская с сыном устроились в кузове и, обняв друг друга, тоже плакали.

— Прощай, Север! — сквозь слёзы прошептала Валя, когда машина осторожно двинулась с места, как бы щупая пригорок, на котором только что стояла, боясь съехать с него мимо лежнёвки, в болото.

1971 г.



ИРИНА СИЛЕЦКАЯ
(г. Прага, Чехия)

Член жюри. Поэт, прозаик, переводчик, член Союза писателей России, организатор и член жюри фестиваля «Славянские традиции» (Крым, Россия — Чехия), Председатель Правления Европейского конгресса литераторов, певица, заслуженная артистка Российской Федерации, композитор, редактор литературного альманаха «ЛитЭра», художник. Автор поэтических сборников: «Хочу любви», «Золотого сечения нить», «Твоя Ириша», «Ключи от города любви», «Философия чувств», «Чувства и судьбы», сборника прозы «Вспомни имена детей своих...». Автор и исполнитель трёх музыкальных дисков: «Ночь-подруга», «Твоя Ириша», «Вторая любовь», четырёх видеоклипов: «Ночь-подруга», «Новогодняя ночь», «Офицерские жёны», «Кто ты?». Лауреат литературных премий: им. А. С. Грибоедова, им. В. Маяковского, им. Ю. Г. Каплана, им. В. Даля, «Славянские традиции», «Праздничная муза» и других. Выпускница Хабаровского государственного медицинского института, Института современного искусства (Москва), Литературного института им. А. М. Горького (семинар Владимира Кострова), аспирантуры Современной Гуманитарной Академии (г. Москва), кандидат социальных наук, врач.

ПУРГА МЕТЁТ...

Пурга метёт, заброшен дом,
 На чердаке прижились мыши.
 Каким он «До» был и «Потом» —
 Понятно всем, но кто услышит?
 Кому печально, что стена
 Завалена, разбиты окна,
 Что пусто в будке. «Шарик, на!»
 Но тишина... Собака сдохла...

Метёт пурга, на сто дорог
 Былое разлетелось счастье.
 Дверь скошена, скрипит порог,
 И отражается ненастье
 В осколках выбитых зеркал
 Щербатых рам. Истлели шторы...
 А взгляд надеялся, искал
 Среди дешёвеньких узоров

Обоев надпись: «Я плюс ты
 Навеки вместе...» Краска стёрлась...
 А из угла, из темноты,
 Тоска — в прыжке вцепилась в горло.
 Души, тоска, меня, души,
 Жизнь не ценна, она прожита.
 Но где-то в глубине души
 Надежда теплится: «Забыта

Не может быть чужая жизнь,
 Чужая смерть. Всё не бесследно
 Проходит. Прошлогодний лист
 Лежит позавчерашним следом.
 Метёт пурга... К чему слова?
 Всё сказано давно и спето...
 И можно зря и не гадать —
 Придёт через полгода лето.

ЗАБЛУДИВШАЯСЯ
ВЕСНА

Заблудилась весна среди голых и звонких ветвей.
 Ночь закинула невод, поймала последние звёзды.
 Страшный сон снится ветру, где он — то гигант-суховея,
 То спиралью завис над землёй, и спастись уже поздно...

Зябко, серо и влажно, и сонно вокруг, тишина
 Ватой стелется, льнёт к придорожным пригоркам.
 Над застывшей землёй в дымке мается чья-то вина,
 Только тени мерещатся, пусто, обидно и горько.

Пустоту не заполнить делами, друзьями, мечтой —
 О далёком и личном мечтать не позволят потери.
 Наше прошлое выставит счёт и поставит конвой
 К настоящему, будущему, часового у сказочной двери.

Не пускают долги, сны съедают раскаянье ночи,
 Как солдаты, сражаются за наступающий день.
 Я могу и хочу ещё, жизнь только, видно, не хочет
 Отпускать меня в дальний полёт, и корабль вновь дал крен.

Это было уже — волосок неоправданно тонкий
 Удержал от паденья в безумные тайны миров.
 Билось сердце неистово, часто и звонко,
 И почти убежало от цепких телесных оков.

Да, почти... Не пустила зима в сновиденья.
 Не успела весна — заблудилась в берёзах — спасти.
 Слёзы каплями и ручейками среди голых сомнений
 Льются в реки, сметая мечты и шаги на пути.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Весна в тумане заплутала,
Запуталась в своих мечтах.
Мне солнца бесконечно мало,
Мне мало доброты в глазах,
Мне мало нежности касаний
И обещаний перемен.
Стам неисполненным желаньям
Дарю два сбывшихся взамен.

Мечтам так сложно в мире прозы,
Стихи живут всего лишь миг.
И нелюбовь для них — угроза,
Чуть что — и стих цветком поник.
Ты помоги мне в мире этом
Не потерять себя, мечту.
Продли, как можно дольше, лето,
Найди ко мне дорогу ту,

Которая не зарастает,
Которая души к душе...
Душа от счастья тает, тает,
И я не чувствую уже,
Что нет весны, она в дороге,
Уже видна её заря...
Пришла весна, и слава Богу,
Мы встретились с тобой не зря...

ЖИЗНЬ ИДЁТ

Жизнь идёт, независимо от непогоды,
Независимо от всех душевных бурь.
Как снежинки и листья, вниз падают годы,
Унося с собой ум человека и дурь,

Унося его страсти, надежды, удачи,
Ставя чётко акценты, штрихи на полях
Его повести или романа, и значит,
Всё, написанное — только в наших руках.

Поманить обещаньем весны нас так просто,
Быть обманутым часто готов человек.
Где любовь на века исполинского роста,
Корабля где надежды надёжный остов?
Счастье есть, но одно, на всю землю едино,
Одному человеку дано лишь на миг.
И земля каждой дочке своей, как и сыну
Его даст, лишь бы суть он однажды постиг,

Лишь бы понял, что жизнь и была, и пребудет
Независимо от наших жизненных тем.
Жизнь — клубок из Творцом согласованных судеб,
Алгоритмов, теорий, идей, теорем.
Человек — всё могущество Бога в идее,
Всё величие мира — в ребёнке людском.
По тому, что мы смертны — почти не жалеем,
Жизнь идёт, мы живём, счастье наше — лишь в том!

КРЫМ В ОКТЯБРЕ

Крым в октябре — как женщина без грима,
Нет буйства красок, мягкие тона...
Осеннего кто не увидел Крыма,
Тот не сумеет до конца понять
Красу Тавриды... Нет толпы туристов,
Привыкших брать тепло, не отдавать.
Крым подустал от свинга и от твиста,
Готовится ко сну, он хочет спать...

Тоска и лень, усталость и сонливость
 Во всём видна, и даже облака,
 Оставив свою детскую игривость,
 Застыли в небе... Стоит поискать,
 Что шевельнётся... Осень, осень, осень —
 Шуршит листва белёсая... Пора!
 Одно лишь неизменно — неба просинь
 И моря гладь. И можно поиграть

С волною в прятки, если бы не холод
 Пучины моря... Не вернуть тепла!
 В осенний ливень погрузился город,
 Дождь будет долго город пеленать
 В тоску и сырость... наберись терпенья,
 Мой Крым, и лета, солнца жди!
 Зима — один сезон, одно мгновенье,
 И море солнца, света впереди!

**НАДЕЖДА РУНОВА**

(г. Саки,
 Республика Крым, Россия)

Член жюри. Поэт, руководитель литобъединения «Сакские родники», лауреат фестивалей «Казантип поэтический-2015», «Пристань менестрелей-2016», VIII Всекрымского поэтического конкурса «На осенней волне Есенинской поэзии-2015». Дипломант IX Крымского поэтического конкурса «Илья Сельвинский в наших сердцах» ялтинского музыкально-поэтического фестиваля 2014 — 2016 годов. Печаталась в альманахах «Планета друзей», «Севастопольский альманах», «Евпаторийский альманах», «След. Сакские родники», в газете «Евпаторийская здравница», «Севастопольские известия», в сакской газете «Слово города».

ВСТРЕЧА

Январь наступил, пролетел Новый год.
 Грущу, сидя дома без дела.
 Накинула шубку, «инет» подождёт,
 Общенья вдруг захотелось.

Иду не спеша, солнце светит хитро,
 Навстречу мне с дочкой подруга:
 «Давай поболтаем немного в бистро,
 Попьём кофейку хоть немного».

Заходим, пахнуло домашним теплом,
 Стоит серебристая ёлка,
 В наряженном зале царит торжество
 И музыка льётся негромко.

И сразу от сердца печаль отлегла,
Вокруг только светлые лица.
«Ну что ж, говори, где была, как дела?
Что в «омуте тихом» творится?»

Пошёл разговор и о том, и о сём
(Как вспомнить бывшее приятно!),
И как подставляли друг другу плечо,
Как годы ушли безвозвратно.

А время всё шло, торопило домой,
И звёзды зажглись в небе чистом.
Луна молодая цыганской серьгой
На сумрачном небе повисла.

В ХРАМЕ

Вхожу я в храм, как в мир иной,
Здесь пахнет ладаном и воском,
Ждёт исповеди аналой,
Свет льётся сквозь витраж неброский.

Глядят святые на меня,
Немой укор в пытливых взглядах:
«Что же явилась в конце дня?
К заутрене являться надо».

Целую образа святых,
Прошу прощенья и здоровья,
Молитва здесь звучит, как стих,
В дыму святого благовонья.

Подсвечники стоят в слезах
Пришедшей к покаянию паствы,
И льётся святость мне в глаза,
Иконостас, он — как лекарство.

Молебен спет. Ушёл народ.
Мирские отзвучали требы.
Но запах святости сберёг
Крест, уходящий в купол неба.

Стою одна. Горит свеча,
Зажжённая огнём лампады.
Прости, Господь, что сгоряча
Порой живу не так, как надо.

РОЖДЕНИЕ КРЫМА

Огонь, грохот, взрывы терзали планету,
Потоками лава лилась через край,
Вулканы вздымались, рвались континенты,
Стеная от боли, рождался здесь рай.

Так жизнь появлялась в мерцании света,
Дрожал от разрывов Кавказа хребет
И, словно ударом кометы задетый,
Разлом создал новый прекрасный сюжет.

Крым в море просторном нашёл своё место,
Разлом тот живой залечила вода.
И после Потопа божественным жестом
Дал в облаке радугу Бог навсегда.

Покрытый лесами, наряжен цветами,
Богатство дано полуострову Крым.
Ветрами попутными под парусами
Андрей Первозванный дорогу открыл.

На Русь христианство шагало из Крыма,
В единого Бога стал верить народ.
Звезда вновь сияет над Крымом любимым,
Святыню земли от беды бережёт.

ЧАТЫР-ДАГ

Шатёр-гора, мой Чатыр-Даг,
Возвышен, горд в немом дозоре.
Вдали селенья, города
И море с ветром в вечном споре.

Стоишь на страже Крыма ты
Не годы, а тысячелетья.
Как величав, до немоты,
Твой облик в радужном рассвете!

Дурманит аромат цветов,
Вибрирует здесь воздух чистый,
Орлы летают над плато,
Добычу ждут в краю скалистом.

Энергия живой горы
Насквозь пронизывает тело,
С рожденья и до сей поры
На Чатыр-Даг взлететь хотелось

И облететь, взмахнув крылом,
Весь Крым, когда алеют маки,
Чтобы воспеть в стихах потом
Судак, Алушту, Ялту, Саки.

По серпантину горных троп,
Пешком, верхом иль на машине
Зарю спешит встречать народ,
Поднявшись к песенной вершине.

ПАМЯТИ ПУШКИНА

В Гурзуфе воздух напоён стихами.
Сквозь шелест листьев вековых деревьев
Как будто Пушкин ходит вместе с нами,
Нашёптывая сказочный напев.

Растёт у лукоморья дуб зелёный.
Когда-то здесь по цепи золотой
Расхаживал, мурлыча, кот учёный,
И песни напевал про край родной.

Да то не дуб растёт, а древо жизни,
И Пушкин шёл по золотой цепи,
Любя народ, любя свою отчизну,
Звездой блеснув на жизненном пути.

О, Пушкин, наш поэт и наш Учитель!
Тебе отдам навечно сердца пыл.
Я с трепетом вхожу в твою обитель,
Где воздух Крыма голову вскружил.

УХОДЯТ

Уходят в бесконечность ветераны,
В мир, предназначенный для нас, для всех,
Забывших боль и залечивших раны,
Бойцы, участники событий тех,

Родным оставив память дней военных
И уплывая с духом в мир иной,
Где нет войны, времён, где жизнь нетленна,
В роскошный сон, сиреневый покой.

И мой отец, твой дед и чей-то прадед
Винтовку брали, шли громить врага,
За жён, за матерей, за малых братьев,
Бежала б прочь фашистская нога.

Но каждый год весна приходит в мае,
Открыта дверь в благословенный рай.
Солдат, моряк Победы день встречает,
Бессмертный полк идёт из края в край.

В живых полка становится всё меньше
И пройден жизни ветеранов путь.
Ценою жизни побеждён враг злейший.
Ты, правнук, день Победы не забудь!



ВЛАДИМИР ШЕМШУЧЕНКО

(г. Всеволожск
Ленинградской области,
Россия)

Член жюри. Поэт. Родился в 1956 году в Караганде. Получил образование в Киевском политехническом, Норильском индустриальном и Московском литературном институтах. Член Союза писателей России, член Союза писателей Казахстана. Кавалер ордена Святого благоверного князя Александра Невского «За заслуги и большой личный вклад в развитие и укрепление государства Российского». Лауреат многочисленных премий. Награждён Почётной грамотой Союза журналистов РФ «За большой вклад в развитие российской журналистики», а также Почётными грамотами СП России и Главы Луганской народной республики И. Плотницкого. Награждён медалями Фёдора Тютчева «Звезда России» и Василия Шукшина. Участник двенадцати антологий поэзии. Автор пятнадцати книг стихов. В течение 12 лет является главным редактором международного литературно-художественного журнала «Всерусский собор» и общественно-политической газеты «Небесный всадник». Собственный корреспондент «Литературной газеты». Указом Президента РФ В. В. Путина № 288 от 27. 06. 2017 г. за заслуги в области культуры и искусства, просвещения, гуманитарных наук, литературы и создание высокохудожественных образов Шемшученко Владимир Иванович награждён медалью Пушкина.

ПОЭЗИЯ

1.

От сердца к сердцу, от любви к любви,
 До самых-самых беззащитных — нас!
 Сквозь жизнь и смерть, сквозь властный
 голос крови,
 В урочный или неурочный час,
 Листвой опавшей, первую травую —
 Нас властно отделяя от других,
 Доходит и хватает за живое...
 И сторонятся мёртвые живых!

2.

Как много в городе снега —
 Бери и стихи пиши!
 В вагоны метро с разбега
 Прыгай, буянь, греши!
 До хрипоты с судьбою
 Спорь — не теряй лица.
 За женщину — только стоя!
 За Родину — до конца!
 И пусть второму — корона,
 А третьему — соловьи.
 Ты — первый! Крылья грифона —
 Твои!
 Взлетай и лети — так надо,
 Не возвращайся назад —
 Писательские заградотряды
 Поэзию не щадят.

3.

Художник поставит мольберт
 И краски разложит, и кисти,
 А я — двадцать пять сигарет —
 И с ветки сорвавшийся листик.
 Мы будем сидеть vis-a-vis,
 Пока не опустится темень,
 И ради надмирной любви
 Пространство раздвинем и время.
 Мы будем глядеть в никуда
 И думать о чём-то неважном:
 Сквозь нас проплывут господа
 В пролётках и экипажах —
 Улыбки сиятельных дам,
 Смешки, шепотки одобренья,
 Последним проедет жандарм,
 Обдав нас потоком презренья.
 А ночью в дрянном кабаке,
 Где слухи роятся, как мухи,
 Он — в красках, я — в рваной строке
 Хлебнём модернистской сивухи,
 Забудем, что есть тормоза,
 Сдавая на зрелость экзамен,
 И многое сможем сказать
 Незрячими злыми глазами.
 И к нам из забытых времён,
 Из морока рвани и пьяни
 Подсядут: художник Вийон
 И первый поэт Модильяни...

* * *

Апрельское утро грачами озвучено.
Уходит в подлесок туман не спеша.
Ещё две недели — и скрипнет уключина,
И лодка пригладит вихры камыша.

Ещё две недели — и синяя Ладога
Натешится вволю, подмяв берега,
И в небе проклюнется первая радуга,
И рыба пойдёт нереститься в луга.

И ветер с Невы — аж до самого Таллина! —
Молву донесёт... А пока среди льдин,
Как спящая женщина, дышит проталина
С лиловым цветком на высокой груди.

ПО ОТВЕСНОЙ СТЕНЕ

1.

Выглянул месяц, как тать из тумана,
Ножичком чиркнул — упала звезда
Прямо в окоп... В сапоги капитана
Буднично так затекает вода...

Через минуту поодаль рвануло.
Замельтешили вокруг светлячки...
Встать не могу — автоматное дуло
Прямо из вечности смотрит в зрачки.

2.

Белый день. Белый снег.
И бела простыня.
Бел, как мел, человек.
Он белее меня.

Он лежит на спине,
Удивлённо глядит —
По отвесной стене
Страшновато ходить.

«Помолчите, больной... Не дышите, больной...» —
Говорит ему смерть, наклонясь надо мной.

3.

Остывают страны, народы
И красивые города.
Я плыву и гляжу на воду,
Потому что она — вода.

А она и саднит, и тянет,
Словно соки земные луна...
Жду, когда она жить устанет
Или выпьет меня до дна.

Я плыву, как вселенский мусор...
На другом берегу реки,
Наглотавшись словесного гнуса,
Чахнут звёздочки-паучки.

Из какого я рода-племени?
Кто забросил меня сюда?
Скоро я проплыву мимо времени,
Опрокинутого в никогда...

ПОЭТЫ

По привычке кусаем ближних —
 Неуживчивый мы народ.
 Ради мнимых успехов книжных
 Затыкаем друг другу рот.

Наши мысли о дне вчерашнем,
 Как прокисшее молоко.
 Бедным — трудно. Богатым — страшно.
 А кому на Руси легко?

* * *

Украинская ночь домашним пахнет хлебом.
 Здесь время не идёт, а тянется, как мёд.
 На капли молока, пролитые на небо,
 Во все глаза глядит ленивый старый кот.

Его пра-пра-пра-пра... якшался с фараоном.
 Он по-кошачьи мудр. Он доктор всех наук.
 По одному ему лишь ведомым законам.
 Он выскользнуть сумел из цепких детских рук.

Он знает, почему туман сползает с кручи,
 И то, о чём поют метёлки тростника.
 А я у костерка под ивой неплакучей
 Никак не разберусь — зачем течёт река?

Динь-динь, динь-динь, динь-динь — проснулся сторожок!
 (Похоже, крупный лещ польстился на наживку...)
 Удилище — в дугу! Он сам себя подсёк!
 Я вывожу его... как кралю, на тропинку.

И вот он — золотой! Должно быть, в два кило...
 Танцует на песке последний в жизни танец...
 Украинская ночь вздыхает тяжело,
 И на её щеках — предутренний румянец.

Лизнула сапоги неспешная волна,
 И лещ — пошёл, пошёл, качаясь с бока на бок...
 Иди — мне жизнь твоя сегодня не нужна.
 И сладок этот миг, и ветер тёплый — сладок.

* * *

Ветер замёл под ковёр облетевшей листвы
 Милые глупости и разговоры о лете.
 Перелиставший Сервантеса северный ветер
 Жестью на крыше грохочет... Ах, если бы вы
 Или другой кто-нибудь на весёлой планете
 Вместе со мной расплескал по страницам печаль.
 Впрочем, о чём я? Никто за меня не в ответе —
 Сею стихи — вырастает дамасская сталь.
 Некто однажды сказал мне: «Иди, дождь с тобою...»
 (Был он, признаюсь, смешон и довольно нелеп).
 Даже писал мне невнятное что-то из Трои
 И, наконец, замолчал, потому что ослеп.
 Чёртово время! Бегу, как собака по следу,
 За показавшими гонор и прыть в человеческих бегах.
 Если сегодня же ночью я Трою спасти не уеду,
 То на рассвете в «испанских» проснусь сапогах.

РЕВОЛЮЦИЯ

Тише рыбьего дыхания,
 Легче трепета ресниц —
 Скорой смерти ожиданье
 Сходит с блоковских страниц...
 А вокруг всё лица, лица...
 Заряжай! Прицелься! Пли!
 Журавлиные синицы
 И синичьи журавли
 На златом крыльце сидели —
 (Здесь зачёркнуто...) Гляди
 На бушлаты и шинели!
 Хлеба дайте! Проходи!
 Робы, блузы, платья, спины,
 Маски, кепки, колпаки,
 Свечи, фонари, лучины,
 Проститутки, кабаки...
 Кто поёт, кто матерится —
 Власть издохла! Вот те на!
 Тут — шампанское искрится,
 Там — штыки и стремяна...
 Карнавал! Гуляй, людишки!
 День последний! Судный день!
 Ничего теперь не слишком!
 Никому сейчас не лень!
 Отойти! Остановиться!
 Руки разбросать! Не тронь!
 Вера — манна несчастливцев —
 Всех в огонь!

ПИСЬМО
НЕБРАТЬЯМ

Нас много. Нас очень много!
 Мы русские — в этом суть.
 Когда мы не верим в Бога,
 В делах наших смысла — чуть.

Нас много. Нас очень много!
 Мы все — из огня и льда.
 Когда мы не верим в Бога,
 Слова наши, что вода.

Нас много. Нас очень много!
 Мы ласковы и нежны.
 Когда мы поверим в Бога,
 Вы станете не нужны...



**НАТАЛЬЯ БАЖЕНОВА**

(г. Химки
Московской области,
Россия)

Член жюри. Профессиональный художник, педагог, президент Центра Творчества «Аквариус». Член Союза художников России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, член Союза журналистов России, член редколлегии альманаха «Литературные знакомства».

Родилась в 1954 году в Москве. Окончила художественно-графический факультет Московского Государственного Педагогического Университета (бывший МГПИ им. Ленина). Автор многочисленных арт-проектов в России и за рубежом. Ежегодно принимает участие в различных зарубежных симпозиумах, фестивалях, Днях русской культуры, круглых столах как организатор, куратор или член жюри.

С 1977 года участвовала в более чем 300 всесоюзных, российских и международных выставках (Австрия, Бахрейн, Бельгия, Болгария, Венесуэла, Германия, Греция, Египет, Испания, Китай, Южная Корея, Литва, Македония, Марокко, Непал, Польша, Сербия, Словакия, США, Турция, Узбекистан, Финляндия, Франция, Швеция, Япония и др.), в их числе — более тридцати персональных.

Лауреат конкурсов живописи и графики «Альтернатива-94», «Золотая Кисть-1994 и 2000», фестиваля искусств «Артиада-98», международной выставки стран тихоокеанского региона «Токио-94», «Эрос-Москва 2006 — 2008», «Великие города Рос-



сии-2015 г.», «Мир женщины-2018» и многих других.

Разработала и проводит мастер-классы по спонтанной живописи с эффектом арт-терапии, за что получила премию губернатора «Наше Подмосковье-2014» в номинации «Шаг вперёд». Преподает с 1974 года как в Москве, так и в других различных городах и странах, ведёт вебинары по своей методике на международном уровне. Организует выставки, симпозиумы и фестивали в России и за рубежом.

В творчестве известна своими портретами, особенно серией выдающихся личностей «Россия в лицах». Имеет ярко очерченный собственный творческий почерк, совмещающий элементы различных стилей и направлений. Работает во многих техниках и видах изобразительного искусства (акварель, акрил, масло, эстамп, графическая иллюстрация, роспись интерьера, инсталляция). Темы работ также разнообразны — в творчестве художника есть и философская, фантастическая и историческая композиция, и такие жанры, как пейзаж, натюрморт, анималистика, абстракция.

Наталья Баженова широко представлена в средствах массовой информации, на телевидении, радио, в периодической печати, каталогах и журналах в России и за рубежом, на различных сайтах. Её работы находятся во многих музеях, галереях и частных коллекциях тридцати стран мира.

СОДЕРЖАНИЕ:

Шериф Османов

«Интеллигентный сезон» в начале своего творческого пути 3

Валерий Басыров

«Интеллигентный сезон» — праздник для всех..... 5

ПОЭЗИЯ

Равиль Валеев	8
Владимир Миронов-Крымский	16
Елена Попова-Люк	26
Нина Лернер	28
Зейнеб Ибраимова	33
Варвара Лопатина	37

ПРОЗА

Владимир Попов-Равич	41
Александр Пономарёв	47
Ленора Сеит-Османова	54
Микола Балицкий	57
Віра Кириченко	62

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ

Ярослав Гончаров	67
Юрий Болдырев	69

Сергей Леонтьев 71

Валентина Магер 73

СПЕЦИАЛЬНАЯ НОМИНАЦИЯ

Елена Данилова 76

Елена Семагина 78

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Алла Шляхова	87
Светлана Батракова	88
Роман Деркачёв	89
Виктор Чабан	90

ЧЛЕНЫ ЖЮРИ КОНКУРСА

Лола Звонарёва	98
Валерий Басыров	106
Ирина Силецкая	127
Надежда Рунова	133
Владимир Шемшученко	139
Наталья Баженова	148

*Литературно-художественное
издание*

«ИНТЕЛЛИГЕНТНЫЙ СЕЗОН-2017»

АЛЬМАНАХ

(на русском, украинском,
крымскотатарском языках)

Редактор — Прилуцкая О. В.
Выпускающий редактор — Басыров В. М.
Корректор — Муран П. В.
Предпечатная подготовка — Лемешко К. А.

Сдано в набор 15. 01. 2018
Подписано к печати 25. 07. 2018

Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная
Печать офсетная. Гарнитура Myriad Pro
Зак. № 195. Усл. печ. л. 13,0.
Тираж 500.



ООО «Издательство «Доля»»:
295022, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Виноградная, 22
Директор — Басыров Валерий Магафурович
Тел.: + 7 (978) 050 85 15
E-mail: vbasyrov@mail.ru
Skype: Basyrov1947

Отпечатано с готового оригинал-макета
на полиграфическом оборудовании
ООО «Форма»
295034, Республика Крым,
г. Симферополь, пр-т Кирова, д. 34, оф. 13